

SERGE ORLOFF

MOCKBA

80

Annotation

Советский детектив. За несколько недель до открытия Олимпиады 80 в Москве вместе с женой и пятилетней дочерью исчезает носитель важных государственных секретов. Расследование на контроле у Андропова. В поисках семьи вскрываются зловещие подробности. Загадки наслаиваются одна на другую.

Serge Orloff

Москва 80

*Ещё до старта далеко, далеко, далеко,
Но проснулась Москва,
Посредине праздника, посреди Земли.*

Паника на погранпереходах

Поздним вечером 19 мая 1980 года на приграничную станцию Чоп с минутным опозданием прибыл поезд № 147 Москва — Бухарест. Проводники привычно открыли двери, опустили стальные сходни, однако вместо пассажиров они увидели вытянувшуюся вдоль всей платформы длинную цепь солдат с оружием в руках.

Пограничный досмотр поезда в этот раз был необычным: солдаты одновременно вошли во все вагоны, блокируя все входы, выходы и переходы между ними.

Через несколько минут после начала досмотра в седьмой, «командный» вагон, где размещалось бригадирское купе, ворвалась бледная, растерянная проводница и доложила своему начальнику, что солдаты без объяснений отрывают внутреннюю обшивку вагона.

Вдвоём они быстро прошли по составу и в двенадцатом вагоне застали пограничников за вскрытием очередной полости в проходе купейного вагона.

— Вы, что, хотите весь поезд разобрать? — возмутился бригадир.

Сопровождавшие пограничников сотрудники в штатском сделали вид, что не слышали его слов.

— Кто мне всё это будет восстанавливать? Вы же отрываете с заклёпками! Прекратите немедленно!

— Ваши документы, — прервал выступление старшего по поезду мужчина в штатском.

В ответ разъярённый бригадир поезда развернулся и быстро выбежал из вагона в сторону вокзала. Всё, что он мог сделать в этой ситуации, — это связаться по служебному телефону с начальником дистанции пути или с дежурным по МПС. Дежурный по вокзалу хотя и предоставил ему линию связи, но, тем не менее, посоветовал «лучше не дёргаться, поскольку распоряжение о проверке поезда поступило из Москвы».

Заступая в восемь часов вечера на дежурство, он был предупреждён своим руководством, что ночь, возможно, будет тяжёлая. Причиной этому послужили, якобы, какие-то телеграммы, полученные из Москвы. Разумеется, рядовой дежурный по вокзалу не мог знать масштабов происходящего и не должен был этого знать.

Срочные телеграммы, о которых краем уха слышали железнодорожники, одна за другой посыпались из Москвы после шести часов вечера. Они имели циркулярный характер и были одновременно отправлены на все двести восемнадцать действующих в Советском Союзе пунктов пограничного перехода, включая речные, озёрные и пешеходные.

Москва. 19.05.1980./18.20

Совершенно секретно.

Всем приграничным территориальным Управлениям КГБ и Погранвойск.

Немедленно с момента получения телеграммы принять все меры к поиску, задержанию и пресечению попытки перехода государственной границы лиц, указанных в приложенной ориентировке.

Данные лица могут иметь при себе фальшивые документы, изготовленные в высоком, не вызывающем сомнения качестве, поэтому решения принимать исключительно на основе визуальных ориентировок.

Принять к сведению, что попытка перехода может быть ими предпринята как группой, так и по отдельности.

Особое внимание обратить на девочку-ребёнка. При переходе границы девочку могут сопровождать псевдо-родители. При проверках строго придерживаться данных в ориентировке детальных примет девочки. При малейших подозрениях задерживать до выяснения обстоятельств.

Максимально использовать личный войсковой состав для полного прикрытия нерегулируемых участков границы.

За исполнение руководители Управлений отвечают головой.

Агапов.

Начальникам территориальных Управлений КГБ не было необходимости извлекать из сейфов свои шифро-блокноты: они прекрасно знали, что «Агапов» — кодовое имя генерала Цвигуна, первого заместителя председателя КГБ Андропова, курировавшего в Комитете вопросы контрразведки.

Вторая, имевшая партийный шифр и отправленная из ЦК телеграмма, обязывала все органы власти приграничных областей оказывать максимальное содействие КГБ и подразделениям погранвойск в их мероприятиях по поиску и пресечению попытки перехода госграницы указанных в ориентировке лиц. Так же на местные партийные органы возлагалась ответственность за координацию действий различных служб, включая привлечение к поисково-заградительным мероприятиям личного состава воинских частей, дислоцированных в их областях.

Третья по счёту, и вторая за подписью «Агапова» телеграмма уточняла перед чекистами и пограничниками главные задачи.

Москва. 19.05.1980./19.10

Совершенно секретно.

Всем приграничным территориальным Управлениям КГБ и Погранвойск.

Остриё мероприятий направить на поиск и выявление Шадрина Виктора Ивановича, 1946 года рождения. Для идентификации высылаем Вам дополнительные фотографии разыскиваемого.

За все возможные брешы на вверенных участках границы руководители отвечают уголовной ответственностью.

Местным органам КГБ немедленно задействовать всю агентурную сеть в криминальных, торгово-спекулятивных, диссидентских кругах для выявления любых признаков подготовки к нелегальному переходу границы всех без исключения лиц.

Особое внимание обратить на круг лиц, имеющих родственников на сопредельной территории и осуществляющих по этим основаниям регулярный переход границы.

Виктор Шадрин является носителем важнейших государственных тайн. Переход им рубежей нашей границы совершенно не допустим!

Ещё раз напоминаю об ответственности руководителей.

Агапов.

Третья и последняя за 12 мая телеграмма «Агапова» пришла на границы около девяти часов вечера и довела ситуацию на местах до максимальной степени нервозности.

Москва. 19.05.1980./20.51

Совершенно секретно.

Всем приграничным территориальным Управлениям КГБ и Погранвойск.

Поисково-заградительные мероприятия по поиску Шадрина и его семьи носят чрезвычайный характер. Строго воспрещается формальный, поверхностный досмотр при пересечении границы. Нехватка времени или личного состава в расчёт не принимается. Для полного, не оставляющего никаких сомнений досмотра использовать все возможные меры, вплоть до временного закрытия границы.

Дополнительный личный состав прибудет на посты уже завтра. Сегодня держать границу на замке бдительно как никогда.

Агапов.

Бригадир поезда Москва-Бухарест вернулся в свой вагон, так и не позвонив в инстанцию. Портить отношения с КГБ было не в его интересах. Из окна своего бригадирского купе он увидел, как к ночному перрону у здания вокзала подъехали два военных грузовика ГАЗ-66 с пограничниками на борту. Явно поднятые по тревоге солдаты быстро высаживались на перрон, вслед им с борта фургона прыгали служебные собаки.

«Может, теперь не будут отдирать обшивку», — глядя на дюжину прибывших овчарок, подумал бригадир.

Холодная весна 1980-го

Москва была прекрасна. Прежде запруженные машинами улицы, вдруг, освободились от дымящих грузовиков, а толпы пешеходов на тротуарах, словно по мановению волшебной палочки, куда-то исчезли. Очищенная от «нежелательных элементов» и насквозь продутая холодными майскими ветрами Москва, словно, вздохнула, а её бледные и замотанные обитатели с удивлением обнаружили, в каком чудесном, оказывается, городе они живут. Даже в метро не было давки, все пассажиры были вежливы и предупредительны: в непривычно свободных вагонах то и дело слышалось: — «извините», «будьте так любезны», «пожалуйста». Москвичи изо всех сил демонстрировали свою культуру, давая, тем самым, понять, что в негативном имидже города повинны исключительно приезжие. Приятные и неожиданные перемены проявлялись во всём. Незнакомые прохожие на улицах стали улыбаться друг другу. Жечков мог подтвердить это лично: вчера у станции метро «Беляево» ему подарила улыбку симпатичная блондинка в красных туфельках. Когда такое было?! — радостно удивлялись коренные жители столицы. И хотя в этих улыбках, всё-таки, был оттенок снобизма, — вот мы какие, москвичи! — всё равно, это было приятно. Ощущение большого приближающегося праздника было всеобщим, и это бросалось в глаза.

Жечков поймал себя на мысли, что, думая обо всём этом, он ощущает себя уже настоящим москвичом, хотя приехал сюда всего три года назад.

Следователем Прокуратуры РСФСР он стал благодаря служебному переводу его из Белгорода. По секрету говоря, этому переводу немало поспособствовал его дядя, Игорь Иванович, младший брат его матери, работавший в административном отделе ЦК. Однако теперь, после трёх работы Жечкова в Москве «дяде Игорю» не должно было быть стыдно за своего протеже.

Благодаря хорошим служебным показателям, блестящему знанию процессуальных вопросов и просто уживчивости, Жечков завоевал в республиканской прокуратуре репутацию толкового парня из провинции, в кои то веки по праву занявшего вакансию. В немалой степени его успеху помогла и написанная им прошлым летом книга с зубодробительным названием «Процессуальная коллизия вопросов подследственности в теории и практике розыскных дел». В этой книге он на ярких примерах из своего опыта указал на известные противоречия буквы и духа Закона в делах, касающихся пропавших без вести граждан. Он обратил внимание на то, что, согласно УПК РСФСР, все дела о пропавших без вести гражданах подследственны территориальным органам Внутренних дел, в то время как по своим признакам эти дела не могут быть отнесены к одной родовой категории. В качестве примера из своей практики он привёл дело о пропаже научного руководителя белгородского военного завода. В то время как дознаватели ОВД лениво опрашивали бывших жён и любовниц пропавшего, убивший его преступник успел расчленить тело, избавиться от останков и покинуть город. И только вмешательство в это дело прокуратуры области (на четырнадцатый день с момента подачи заявления!) позволило срочно переквалифицировать это дело и в кратчайшие сроки найти преступника. А в качестве дополнительного аргумента Жечков привёл положение дел уже в московском БРНС (бюро регистрации несчастных случаев). По карточкам учёта бюро на 1 января 1979 года в моргах Москвы и московской области находилось свыше 200 неопознанных трупов с медицинскими заключениями о насильственном характере смерти. Ни по одному из них не

было возбуждено уголовного дела. А ведь по статистике не менее 90 % этих трупов должны были числиться по розыскным делам за разными ОВД страны.

Похожая, скорее, на развёрнутую служебную записку, книга Жечкова произвела должное впечатление и получила хорошие отзывы в юридическом сообществе. Попросив автора убрать абзац с двумястами трупов в столичных моргах, издательство «Юридическая литература» выпустило книгу закрытым тиражом в 10 000 экземпляров, и Жечков даже получил причитающийся ему гонорар. После этой публикации Жечков получил в прокуратуре РСФСР шутливое прозвище, и в коридорах ведомства порой можно было слышать такой диалог:

— Геннадий? Какой Геннадий?

— Геннадий — двести трупов.

После этого собеседник качал головой, понимая о ком идёт речь.

Собственно, благодаря закрепившейся за Жечковым компетенции главного специалиста по пропавшим без вести, его и вызвали сегодня для служебного разговора со следователем КГБ. Никогда прежде работать с чекистами, тем более, с сотрудниками центрального аппарата, Геннадию не приходилось, и ему было интересно. Правда, к его удивлению встреча была назначена не на Лубянке, как он ожидал, а почему-то на Кузнецком мосту.

Времени до встречи оставалось достаточно, и до метро «Октябрьская» он решил неспешно проехаться по Ленинскому проспекту на троллейбусе, чтобы лучше рассмотреть эту правительственную трассу в её предолимпийском праздничном убранстве. На пересечении с Университетским проспектом он увидел, как рабочие натягивали на столбы огромные вертикальные растяжки с олимпийской символикой. Такие растяжки с эмблемой Олимпиады и талисманом-мишкой встречались ему на каждом перекрёстке по всему пути следования троллейбуса.

Для середины мая в Москве было очень холодно, не больше плюс десяти. Жечков вообще обожал плохую, ненастную погоду, и сегодня у него было отличное настроение. Он любил свою работу, ему было всего тридцать четыре года, и всё в его жизни складывалось хорошо. Но особенный уют и покой в его душе наступал тогда, когда он начинал думать о том, как ближе к сорока он, быть может, начнёт писать детективы. «А почему бы и нет, — прикидывал он, — писали же их Шейнин, братья Вайнеры, Маклярский из КГБ. Чем сюжеты из моей профессиональной практики хуже, благо мне их не занимать».

В районе площади Гагарина из-за набежавших туч на улице резко потемнело, и Жечков, вдруг, представил, что, когда-нибудь, он напишет детектив, действие которого разворачивается на фоне Олимпиады-80. У кого-то из писателей он читал, что в хорошей книге даже описание погоды должно быть правдивым, поэтому, на всякий случай, он решил запомнить сегодняшней, к примеру, день во всех его деталях. Кто знает, возможно это пригодится для его будущей книги. А, может быть, этот детектив ему так и начать:

«21 мая 1980 года в Москве было очень холодно, а после обеда из чёрной, нависшей над Ленинским проспектом тучи, вдруг, повалил густой снег».

И это будет правда.

Подписка о неразглашении

Штаб по проведению Олимпиады проводил свои оперативные совещания по четвергам. Анатолий Петрович Грибин в штабе представлял интересы Второго Главного Управления (контрразведка) КГБ. Из-за своей постоянной занятости он часто пропускал заседания, отправляя туда своего заместителя, но сегодня его присутствие было необходимо. На текущем совещании утверждались городские маршруты спортивных трасс, и Грибин красным карандашом должен был отметить на карте те места, где олимпийцам лучше свернуть в сторону. И хотя изначально эти маршруты уже были согласованы с органами, в них постоянно вносились коррективы. Вот и сегодня Грибин предложил перенести место старта 100-километровой велогонки с Кутузовского проспекта на 1-й километр Можайского шоссе, ближе к кольцевой дороге. Представитель телевидения в штабе сразу запротестовал:

— Да Вы что? Мы специально к Триумфальной арке привязывали этот старт. Если мы перенесём его на МКАД, у нас картинки с Триумфальной аркой ни в одной трансляции не будет. Москва — это европейский город с великой историей. Мир должен видеть Триумфальную арку.

Телевизионщика поддержал представитель Гришина — первого секретаря московского городского комитета партии:

— Анатолий Петрович, — обратился он к Грибину — а я поддерживаю нашего телевизионного товарища. Триумфальная арка — это ведь важный символ победы нашего народа. Она обращена к западу как напоминание всем, кто посягал раньше или думает это сделать в будущем. Предлагаю — оставить.

Выслушивая все возражения, Грибин понимающе кивал головой, создавая видимость коллегиальности принимаемых решений. На самом деле, решение уже было принято, и никакие протесты не принимались в расчёт. Территория, прилегающая к Поклонной горе, находилась в чувствительной близости от расположенного в Филях объекта «Аквариум». От Триумфальной арки до пустыря с невзрачной сталинской пятиэтажкой было всего полтора километра, и второй Главк не мог не учитывать возможные схемы подъезда к месту старта велогонки зарубежных гостей. Грибин прекрасно знал всех этих «заблудившихся» в Москве «туристов» и вообще не желал их видеть в районе станции метро Филя. Он помнил, как лет пять назад за каменной стеной «Аквариума» припарковал свою машину болгарский дипломат. Как потом выяснилось, такое необычное место парковки, на пустыре, вдали от жилого массива, он выбрал специально, чтобы не светить свою машину с дипномерами, поскольку направлялся к любовнице. Когда голубое Volvo болгарина простояло у стены больше часа, было принято решение об её эвакуации. Ребята Грибина полностью разобрали машину, но никаких средств электронного перехвата в ней не обнаружили. Пришлось тогда этому болгарину всё оформлять как угон автомобиля.

— Хорошо, — сказал руководитель штаба. — Старт гонки мы переносим на 1-й километр Можайского шоссе.

Больше на этом совещании Грибину делать было нечего, но он решил остаться. С людьми ему было легче. Возвращаться в свой кабинет, к своим мыслям, он не хотел.

А мысли были страшные. Четвёртый день в Большом Доме стояла зловещая тишина. С случившемся никто не говорил вслух, что только усиливало всеобщее ощущение тревоги. Сам Грибин не спал уже третьи сутки. С того самого рокового понедельника 19 мая, когда к

шесть часов вечера стало окончательно ясно, что Шадрин исчез. Всю ночь на вторник он не сомкнул глаз. И на среду тоже. Не спал он и сегодня. Держался только на таблетках.

Ему — опытному контрразведчику — не надо было напрягать память, чтобы признаться себе в очевидном — в Москве провал такого масштаба происходит впервые. Петров сбежал в Канберре, Дерябин в Вене, Голицин в Хельсинки, Носенко в Женеве, Левченко в Тегеране — все, кого мог вспомнить Грибин, перешли на сторону противника с позиций заграничных резидентур. Но чтобы такое случилось в Москве, в центральном аппарате, по крайней мере, после войны, — таких случаев он припомнить не мог.

В Москве! У него, у Грибина под носом!

Похоже, таблетка перестала действовать, поскольку его мысли опять пошли по мрачному кругу.

Четырнадцать лет во втором главке он возглавлял Первый отдел (США, Великобритания). У него на глазах в Москве полностью сменилось четыре состава резидентуры ЦРУ. Его фотография висела в советском отделе Лэнгли, — ей пугали всех направляющихся в Москву оперативников. За все годы его работы на этом посту ни американцы, ни англичане не смогли провести в Москве ни одной сколько-нибудь значимой, острой операции. Об эффективности работы Грибина говорило даже то, что на все оперативные контакты со своими источниками ЦРУ предпочитало выходить за рубежом. Москва была надёжно прикрыта мощным контрразведывательным режимом.

Девять московских оперативников ЦРУ находились под круглосуточным наблюдением — 24 часа в сутки, семь дней в неделю, все четырнадцать лет. 117 оставшихся сотрудников посольства находились под выборочным наблюдением, время от времени. Несмотря на всё могущество КГБ, 2-й Главк просто физически не мог взять под круглосуточное наблюдение 126 человек, учитывая, что большинство из этих людей занималось обычными ежедневными делами. Если бы речь шла об ограниченном отрезке времени, Комитет мог взять под колпак и 500 человек, но держать в постоянном рабочем режиме такое огромное число сотрудников было совершенно неэффективно.

Грибин отвлёкся от своих тяжёлых мыслей и вернулся к реальности. На совещании уже обсуждали график прибытия в Москву комсомольских бригад для срочных облицовочных работ в подтрибунных помещениях различных спортивных объектов. Представитель московского горкома ВЛКСМ рапортовал о прибывающих в столицу комсомольских отрядах из Саратова, Куйбышева, Свердловска...

Прищурив глаза, Грибин сделал вид, что внимательно рассматривает снятые очки в своих руках. Трёхдневная бессонница дала о себе знать, — его стало клонить в дрему. Но даже в этом полусонном состоянии мысли в его уставшей голове не давали ему покоя.

Ему было пятьдесят семь лет, тридцать из которых он отдал КГБ. После успешного проведения Олимпиады — а это было лишь вопросом времени — осенью, аккурат к ноябрьским праздникам, полковнику Грибину должны были присвоить очередное звание.

Теперь мечты о генеральских погонах, как и вся его предыдущая служба, обнулялись. Это было жестоко и несправедливо.

Грибин вспомнил, что на пять вечера у него назначена встреча со следователем. Он посмотрел на часы и сразу поднялся из-за стола.

— Прощу прощения, я должен покинуть Вас.

Спускаясь по лестнице нового спортивного комплекса «Дружба», где проходили совещания штаба, он пытался проанализировать, почему предстоящая встреча со

следователем впервые за эти три дня хоть как-то улучшила его подавленное состояние.

«Потому что следователь прокуратуры — это уголовное дело, а не домыслы, не намёки и не фантастические версии всемогущества западных спецслужб» — сам себе ответил Грибин.

«Меня ещё никто не снял. Оценка исчезновению Шадрина ещё не дана. Доклад Андропову через четыре дня, а к понедельнику я смогу взять ситуацию под свой контроль» — взбодрил себя Грибин.

Семья Шадрина могла попасть в аварию, их могли убить, похитить инопланетяне, они могли, в конце концов, просто провалиться сквозь землю — тысячи причин полностью реабилитировали Грибина.

И только одна стоила ему головы.

* * *

«Вот я и вошёл в загадочный мир КГБ», — с иронией подумал про себя Жечков, открывая облупившуюся дверь невзрачной двухэтажки на Кузнецком мосту.

В фойе здания его встретили стальные турникеты и пограничники у дверей и в бюро пропусков. Стоявший на входе лейтенант, сразу преградив путь, спросил Жечкова:

— Вы по какому вопросу?

— У меня назначена встреча на пять часов.

Лейтенант молча указал Жечкову на бюро пропусков. Наклонившись к узкому окошку, за которым тоже сидел лейтенант, Жечков ещё раз повторил цель своего визита.

— Ваш паспорт, пожалуйста.

Выписав данные паспорта, пограничник поднял взгляд на Жечкова.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Жечков Геннадий Викторович, следователь прокуратуры России.

— С кем у Вас назначена встреча? — снова переспросил лейтенант.

— С Федосеевым. Имя и отчества, к сожалению, не знаю.

Лейтенант набрал номер внутреннего телефона и коротко доложил:

— Здесь Жечков, следователь.

— Ждите, сейчас за Вами спустятся, — повесив трубку, сказал он.

Один из стоящих у входа офицеров указал Жечкову на небольшой диванчик в углу:

— Вы можете присесть.

Но не успел он сесть на диван, как за ним в фойе спустился Грибин и первым протянул ему руку:

— Федосеев, — представился Грибин.

— Очень приятно, Жечков.

— Поднимемся ко мне, — по-дружески увлекая его за локоть, Грибин повел Жечкова в свой кабинет.

Кабинет показался Жечкову обычным. Таким же, как и в прокуратуре.

«Даже портрета Дзержинского нет», — удивился Жечков.

— Вы, наверное, уже знаете, по какому поводу мы к Вам обратились? — начал Грибин.

— В общих чертах.

— Случай, на самом деле, чрезвычайный. Пропала сразу целая семья — отец, мать и их

пяtilетняя дочь.

— У нас каждый год пропадают тысячи людей, но при чём здесь Ваша служба? — удивился Жечков.

— Пропала семья нашего сотрудника.

— Тогда причём здесь я?

— Как причём? Разве поиск пропавших людей не прерогатива органов правопорядка?

— Простых людей да, но не сотрудников КГБ.

— Супруга Шадрина... — начал было Грибин, но тут же запнулся.

Затем продолжил:

— Пропала семья Шадриных. Супруга и пяtilетняя дочь нашего сотрудника ни имеют к ведомству никакого отношения. Они такие же простые советские люди, как и все.

Грибин достал из своего сейфа три фотографии и разложил их на столе.

— Вы первый, кто видит эти фотографии. Они даже в розыск пока не пошли.

Жечков взглянул на снимки.

С фотографий на него смотрели молодой красивый парень в форме майора, симпатичная, даже красивая брюнетка жена и милая дочь.

— Сколько ему лет? — удивляясь майорским погонам Шадрина, спросил Жечков.

— Тридцать четыре.

«Мой ровесник», — отметил про себя Жечков.

— В прошлую субботу, семнадцатого мая, в десять утра, на своей машине они выехали на дачу к друзьям, но так и не приехали туда.

— Пропали вместе с машиной?

Грибин очень внимательно взглянул на Жечкова, словно, хотел ему сказать что-то важное, но ответил коротко:

— Да.

— Точное время их выезда чем-то подтверждается?

— В девять тридцать утра Шадрин по телефону докладывал дежурному, что выезжает с семьёй на дачу в Тучково.

— А откуда Вы знаете, что он звонил из дома?

Вместо ответа Грибин извлёк из сейфа лист бумаги и положил его на стол перед Жечковым.

— Давайте вначале закончим с формальностями, если Вы, конечно, не даёте себе отвод.

Жечков знал, что там написано и прочитал это, скорее, для порядка:

«ПОДПИСКА О НЕРАЗГЛАШЕНИИ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮШ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ».

Убедившись в отсутствии дополнительных обязательств, Жечков уверенно черкнул большую букву Ж с закорючкой в трёх полях документа.

— Шадрин звонил из своей квартиры, — ответил, наконец, Грибин. Это подтверждено нашими техническими средствами.

— Я могу взять эти фотографии? — спросил Жечков.

— Завтра, завтра. Вы всё получите завтра.

Грибин забрал фотографии со стола, положил их обратно в сейф и неожиданно спросил:

— Вы любите пельмени с коньяком?

— Что? — не понял вопроса Жечков.

— Если Вы не против, я предлагаю продолжить наш разговор в неформальной обстановке. К тому же, я страшно проголодался.

Грибин повёл его по длинным коридорам куда-то в глубь здания, и Жечков сразу понял, что движутся они в противоположную от известного ему входа сторону. Когда они вышли из здания и прошли сквозь внутренний двор, то оказались уже на улице Петровка, а Жечков точно помнил, что входил в дом с улицы Кузнецкий мост.

«Обычные кагэбешные штучки», — решил он.

Выйдя на тротуар Петровки, Жечков сразу обратил внимание на припаркованную там чёрную «Волгу» с двумя антеннами на крыше, но к его удивлению, они прошли мимо неё.

— Тут рядом, — сказал Грибин, предлагая пройти пешком.

Жечков «спиной почувствовал», как «Волга» бесшумно тронулась с места и начала медленно плестись за ними.

В «Пельменной» было очень неуютно, можно даже сказать, мерзко. Бледно освещённый небольшой зал, жирный, невымытый пол и всего пять или шесть высоких стоек с небольшими круглыми столешницами, за которыми уже выпивали какие-то местные завсегдатаи.

Появление в зале Грибина и Жечкова сразу привлекло внимание местной публики. Вальяжный, похожий на большого начальника Грибин, да ещё в своём модном бежевом плаще выглядел в этой пельменной явлением инородным. Жечков, хотя и был в демократичной ветровке, тоже походил на молодого карьериста при своём начальнике.

Как и все обычные посетители Грибин подошёл к стопке коричневых пластиковых подносов. Один он передал Жечкову, другой взял себе.

То, что подносы не мылись, а просто протирались жирной тряпкой, Жечков почувствовал сразу, как только взял его в руку.

Когда он впервые оказался в Москве, коллеги его сразу проинструктировали, в каких точках общепита «есть нельзя». С тех пор он вместе с женой брезговал питаться в заведениях типа этой пельменной.

— Две порции, пожалуйста. И два чистых стаканчика, если можно, — попросил Грибин у раздатчицы.

Та оценивающе взглянула на солидного мужчину и, всем своим видом показывая, что делает для него исключение, подала два чистых гранёных стакана, но всё-таки упрекнула:

— Вообще-то у нас это не полагается.

Свободных мест за стоячими столиками не было, и они встали у окна, разложившись на широком подоконнике.

Грибин извлёк из внутреннего кармана плаща плоскую бутылку дагестанского коньяка, быстро плеснул в стаканы по 100 грамм и, словно поймав Жечкова на нехороших мыслях, сказал:

— Не надо отрываться от народа. Жизнь такая штука, может вознести до небес, а потом зубами об землю. Время от времени я люблю здесь бывать. Знаешь, помогает. Чтобы не забываться, откуда мы все вышли.

Грибин поднял стакан, чтобы чокнуться.

«А если это провокация?» — подумал Жечков и ответил:

— Я вообще-то не пью.

— Пейте. Вас давно уже проверили.

Вначале Жечкову даже показалось, что ему это послышалось, но нет — этот «Федосеев», действительно, читал его мысли.

— Я, кстати, хорошо знаю Вашего дядю, Перетурина Игоря Владимировича.

— Васильевича.

— Да, да.

Жечков внутренне напрягся. «Если этот „Федосеев“ навёл обо мне справки и подготовился к разговору, то что он от меня хочет? Завербовать? Зачем?» — думал Жечков, ковыряя вилкой, но не притрагиваясь к пельменям в тарелке.

— Где Вы живёте в Москве? — спросил Грибин.

— Вы знаете моего дядю и не знаете, где я живу?

Грибин снова наполнил стаканы.

— Не обижайтесь. Я, действительно, не успел глянуть Ваш адрес.

— В Беляево.

— В Беляево?! Совсем рядом от дома, где жил Шадрин.

Словно вспомнив о чём-то неприятном, Грибин опустил голову и погрузился в мысли.

— А Вы как считаете, что могло случиться с Шадринными в дороге? — внезапно спросил он.

— Что угодно.

— Например?

— Их могли убить из-за машины. Они могли попасть под другую машину, и виновник забрал трупы с места аварии. В ссоре один из супругов мог убить другого или всю семью и теперь скрывается. Они могли съехать в лес и утонуть вместе с машиной в болоте. Их могли похитить, чтобы потребовать выкуп.

— Многие Ваши версии мне даже не приходили в голову.

— Версий намного больше, но все они сводятся к трём — семейная, криминальная или несчастный случай. Если он, конечно, не сбежал.

— Что Вы имеете в виду под словом «сбежал»?

— Вы понимаете, о чём я говорю.

— Зачем ему бежать? Тем более, с семьёй?

— Это не моё дело, разбирайтесь с этим сами.

— Не кипятитесь. Я просил уточнения только потому, что мне интересен Ваш взгляд на это дело.

В пельменной стало шумно, поскольку нелегально выпивающие за столами заговорили на повышенных тонах. Жечкову хотелось поскорее выйти отсюда на свежий воздух, и он терпел это место только из-за прихоти Федосеева.

— Вам здесь не нравится? — опять угадал «Федосеев».

— Терпимо.

— Я не спал и не ел трое суток, — признался ему Грибин. И знаете, вот захотелось, вдруг, простых горячих пельменей. Надеюсь, сегодня мне удастся поспать.

— Простите, — осторожно начал Жечков. — Мы с Вами общаемся уже два часа, а я до сих пор не знаю, собственно, кто вы. Я имею в виду процессуально в этом деле?

— Я?

Грибин погонял вилкой по тарелке последний пельмень и, криво усмехнувшись, добавил:

Я — жертва.

Открытка из Выборга

В субботу, 23 мая сразу после полудня в подъезд дома, где проживали родители Шадрина, с портфелем в руке вошёл невзрачный мужчина в дешёвом сером костюме отечественного покроя. Поднявшись на пролёт между третьим и четвёртым этажом, он столкнулся с женщиной, спускавшейся по лестнице.

— Простите, а Николаевы в какой квартире живут? — спросил мужчина у спускавшейся женщины.

— Николаевы на первом этаже живут, — не оборачиваясь, ответила она.

— А какая у них квартира?

— Двадцать седьмая.

— Спасибо большое. Двадцать седьмая, значит, — незнакомец быстро взглянул на висящие перед ним почтовые ящики и вслед за женщиной спустился по лестнице.

Через несколько минут этот мужчина с портфелем вышел из дома и, пройдя мимо нескольких однотипных многоэтажек, свернул за угол, где его ожидала неприметная белая «Волга» с водителем за рулём. Нырнув на переднее сиденье машины, мужчина быстро извлёк из бардачка телефонную трубку и, нажав несколько кнопок на самом аппарате, доложил:

— Сапфир, приём. Двести пятый на связи.

— Сапфир слушает. Двести пятый.

— Паустовского восемь. Сигнал снят, почта изъята. Подтверждаю.

— Двести пятый. Принято.

* * *

В своём большом кабинете на Лубянке Грибин снял трубку одного из четырёх стоящих у него на столе телефонов.

— Получили, значит? Хорошо проверили? Лады.

Повесив трубку, Грибин откинулся в кресле и стал продумывать дальнейшие шаги.

Сегодня утром в почтовый ящик пожилых родителей Шадрина была брошена открытка со штампом почтового отделения города Выборга, на котором была проставлена дата 19.05.1980. Написанная почерком пропавшего Шадрина, она была изготовлена настолько профессионально, что могла выдержать любую экспертизу. Текст на оборотной стороне открытки был коротким:

«Дорогие мама и папа! Со мной всё в порядке. Не беспокойтесь. Виктор»

Грибин нажал кнопку аппарата селекторной связи и попросил секретаря соединить его со следователем Жечковым.

Когда по громкой связи из селектора послышался голос Жечкова, Грибин наклонился к микрофону.

— Геннадий Викторович, здравствуйте. Это Федосеев.

— Да, я Вас слушаю.

— Я Вас не отвлекаю?

— Нет, конечно.

— Всё-таки, сегодня суббота, — извинился Грибин. Но вот какое дело. Вы с родителями Шадрина ещё не встречались?

— Я вчера хотел с ними поговорить, но мне сказали, что с ними сейчас работают «соседи».

— Ну, извините. Но не забывайте, что они работают и на Вас. Мы же договорились, что оперативное обеспечение за нами.

— Это, конечно, здорово, но время-то идёт, — посетовал Жечков.

— Согласен. Поэтому предлагаю следующее: я договорился с Шадриним-старшим о встрече сегодня в районе трёх и хочу, чтобы Вы тоже присутствовали.

— Встреча у Вас или у них в доме?

— Нет, нет, на квартире у них. Они пожилые люди, зачем их гонять?

— Паустовского, восемь? — уточнил Жечков.

— Можете не записывать. За Вами пришлют машину, и с сегодняшнего дня она в Вашем полном распоряжении.

— Спасибо.

— До встречи.

Грибин положил трубку, встал из-за стола и задумчиво прошёлся по кабинету, из окна которого открывался панорамный вид на полупустую в этот субботний день площадь Дзержинского.

Перед тем как вызвать служебную машину, он ещё раз проанализировал логику поведения родителей Шадрина и снова пришёл к выводу, что вариант с немногословным текстом отправки был выбран им правильно.

* * *

Водитель бордовой радиофицированной «двадцать четвёртой» «Волги» — приветливый молодой человек лет тридцати — уже ждал Жечкова у подъезда его дома.

— Будем знакомы, Юрий, — первым протянул он руку для знакомства.

— Очень приятно, Геннадий.

Жечков сел на переднее сидение, хотя знал, что для начальника это не солидно. Своей машины у него ещё не было, но он уже готовился к тому, что в скором времени тоже станет участником московского автомобильного движения. Поэтому он всегда предпочитал сидеть впереди, у самого лобового стекла, — так он лучше чувствовал дорогу и даже мысленно рулил.

— Паустовского, восемь, — в первый раз распорядился машиной Жечков.

— Я знаю, — ответил Юрий.

«Это они хорошо с машиной придумали. Теперь я постоянно буду у них под колпаком», — успел подумать Жечков, прежде чем «Волга» быстро рванула с места.

Жечков знал, что дорога от Беляево до Ясенево займёт не больше пятнадцати минут, и он не успеет как следует мысленно потренироваться вождению. Но первый урок от своего водителя он получил на улице Островитянова, когда выбежавшая из кустов прямо под колёса собака заставила Юрия выдать все его профессиональные навыки. «Волга» резко затормозила и одновременно увильнула в сторону. Не пристёгнутый Жечков ударился головой об лобовое стекло.

— Сильно приложились? Извините, — сказал Юрий.

— Ерунда. Собака то жива?

— Да вон бежит, — глядя в зеркало заднего вида, ответил Юрий.

«Чёрная собака, бросившаяся под колёса — это плохой знак, — подумал Жечков. Но, с другой стороны, ведь мы её не раздавили. Это — хороший знак».

Но больше всего в этом маленьком инциденте его удивила реакция его нового водителя. Он не выругался матом, как любой другой шофер на его месте, а исполнив на дороге сложный и очень опасный манёвр, не проявил после этого никаких эмоций. Это выглядело так, словно, этот Юра заранее знал, что кто-то на дороге будет постоянно подбрасывать ему под колёса собак, а его работа только в том и заключается, чтобы парировать эту опасность.

В своих фантазиях Жечков был не так уж и далёк от истины. Три года назад Юрий в качестве водителя обслуживал официальный кортеж прибывшего с официальным визитом в СССР Президента Франции Валери Жискара Де'Эстена. Во время поездки Де'Эстена Бородино Юрий вёл вторую машину кортежа, шедшую прямо перед лимузином с президентским штандартом на крыле. В самом центре Можайска, на левом повороте под колёса его ЗИЛа, вдруг, бросилась собака. Тогда он ушёл от наезда резким манёвром с ускорением, а шедшая за ним машина номер один, наоборот, притормозила, чтобы пропустить можайскую дворнягу. Предельно осторожное поведение водителей по отношению к бездомной собаке объяснялось вовсе не любовью к животным, — просто, на собаке могла быть взрывчатка.

* * *

Первое, что удивило Жечкова, когда вместе с Федосеевым он вошёл в квартиру, было полное спокойствие родителей Шадрина. «Люди, неделю назад потерявшие сына и родную внучку, так себя не ведут», — подумал Жечков, присаживаясь на предложенный хозяевами диван. «С другой стороны, — рассуждал он — поведение некоторых людей может быть совершенно непредсказуемыми. Возможно, спокойствие Шадриных является одной из форм защитной реакции психики».

— Чтобы не дёргать Вас два раза, мы решили прийти к Вам вдвоём. Геннадий из прокуратуры, — представил Жечкова Федосеев/Грибин — ну а со мной Вы уже знакомы.

Отец Шадрина пожал Жечкову руку и окинул его оценивающим взглядом.

У Жечкова в голове уже вторые сутки были отложены вопросы, которые он хотел бы задать родителям Шадрина, поэтому он начал первым.

— Когда Вы в последний раз видели Виктора?

— 9 мая он приходил к нам, поздравлял меня с праздником.

— С подарками?

— Что?

— Он приходил с подарками?

— Бутылку коньяка принёс.

— Как он был одет?

— Ну, как? Обычно. В куртке.

— В какой куртке, Вы можете вспомнить?

— Я не помню.

«А следователь-то не промах», — мысленно отметил Грибин.

— Вы не заметили чего-то необычного в его поведении?

— Да нет, нормальный был, как всегда.

— Вы тоже ничего не заметили? — Жечков быстро перевёл взгляд на мать Шадрина.

— Нет.

— В его разговоре Вы не заметили чего-то странного, несвойственного ему?

— Не заметили, нет.

— После этого он к Вам ещё приходил?

— Нет, не ... После чего? — запутался отец Шадрина.

Молча наблюдавший диалог Грибин ещё раз про себя оценил способности Жечкова к размазыванию заранее подготовленных оппонентом позиций.

В какой-то момент Грибин перестал следить за ходом этого диалога и углубился в свои размышления. Он понял, что с брошенной в почтовый ящик Шадриных открыткой совершил грубую, непростительную ошибку. Шадрин-старший — полковник штаба ракетных войск стратегического назначения, один из разработчиков передвижного ракетного комплекса СС-20 и носитель государственных секретов с 1967 года — не такой дурак, чтобы принять эту открытку за чистую монету. Он не мог не знать, что с момента исчезновения его сына вся входящая почта находится под контролем КГБ, и она просто технически не может попасть ему первой в руки. Как он, Грибин, не учёл этого очевидного факта? Проверочное мероприятие с открыткой имело бы смысл только в том случае, если бы она не имела никаких штемпелей и попала бы к родителям Шадрина каким-то не почтовым образом. Тогда по реакции родителей можно было бы судить о их степени вовлеченности в планы своего сына. Но сейчас об этой осечке было уже поздно жалеть. Оставался вопрос — почему Шадрин-старший молчит об открытке? Если он расценивает её как провокацию КГБ, то обязательно вернёт её обратно изготовителям, чтобы не навлекать на себя подозрения в игре на стороне сбежавшего сына. А если он умолчит об открытке, что это будет значить? Вот сейчас и проверим, — подумал Грибин.

Жечков к этому времени задал все свои вопросы и передал эстафету Грибину. У Грибина к родителям Шадрина был всего один вопрос, но вопрос этот был на миллион.

— А сколько полных лет было Маше? — спросил он Шадрина о внучке.

Шадрин-старший резко вскинул голову и раздражённо переспросил:

— Почему «было»?

Жечков сразу оценил уровень созданной Федосеевым психологической ловушки. Спонтанная реакция отца Шадрина на умышленно поставленный в прошедшее время глагол красноречиво свидетельствовала, о том, что по каким-то, одному ему ведомым причинам, он уверен, что с семьёй сына ничего не случилось и все живы и здоровы. В этом уже был хоть какой-то результат долгой и бессмысленной беседы.

Уже в дверях, когда Жечков с Грибиным прощались с хозяевами, Шадрин-старший вынес из комнаты «проверочную» открытку и протянул её гостям.

— Вот это я хотел Вам передать.

— А что это? — спросил Грибин.

— Эту открытку мне сегодня подбросили в ящик.

— Подбросили?

— Сын не мог её написать.

Грибин прочитал свой же текст на открытке и спросил:

— Почему?

— Потому что он не предатель.

— Это почерк Виктора?

— Да, но писал не он.

Грибин сделал вид, что придаёт этой открытке большое значение.

— Почему Вы сразу не сообщили об открытке?

— Какая разница. Теперь она у Вас.

— Мы её отправим на экспертизу и позже Вам сообщим результаты.

— Мне и без экспертизы всё ясно.

Грибин окончательно убедился, что Шадрин-старший прочитал всю комбинацию КГБ.

«Может, мне, действительно, пора на пенсию», — без жалости к самому себе подумал он.

Прежде, чем окончательно покинуть квартиру, Грибин спросил:

— Кто же, по-вашему, её написал?

Шадрин-старший равнодушно пожал плечами..

Грибин открыл дверь и, стоя уже в проёме, оглянулся и очень тихим, не для посторонних, голосом сказал:

— Иван Алексеевич, Вы же понимаете, если подтвердятся худшие опасения по поводу Виктора, — худшие для нас, не знаю, как для Вас — то всей Вашей карьере придёт конец?

— Конечно, я же не мальчик.

— До свидания.

Грибин и Жечков уже спускались по лестнице, когда Шадрин, вдруг, прорвало:

— Когда Виктору было лет четырнадцать, он спросил у меня, чем я, на самом деле, занимаюсь в армии? И тогда я ему сказал: «Сынок, обещаю тебе, что ты никогда больше не будешь задавать мне этого вопроса». Он спросил: «Почему?». «Потому что, — сказал я — если ты, действительно, не будешь ничего знать о моей работе, тебе не придётся лгать, когда, не дай Бог, кто-то станет допытываться обо мне».

— Надеюсь, Виктор понял Вас тогда, — спускаясь по пролёту лестницы, ответил Грибин.

Выйдя из подъезда, Грибин и Жечков шли к своим служебным «Волгам» в полном молчании. Первым его нарушил Жечков:

— Что это за открытка?

— Забудь.

— Но это же очень важно для расследования. Вне зависимости, кто её послал, она даёт нам нить.

— Ничего она нам не даёт

— Что в ней написано?

Грибин достал из внутреннего кармана плаща открытку и «прочёл» Жечкову:

— «Федосеев — старый дурак», — вот что в ней написано.

После этого он разорвал открытку надвое и положил обрывки в карман.

— Надеюсь, я не испортил Вам субботы, — извинился Грибин.

— Напротив, это была очень полезная беседа.

— И что Вы из неё вынесли?

— Об исчезновении сына Шадрин знает больше, чем мы.

— Ты считаешь, он ведёт нечестную игру?

— По всей видимости, да.

Грибин нырнул на заднее сиденье своей «Волги», даже не попрощавшись с Жечковым.

Всю дорогу до площади Дзержинского он думал о своей ошибке с открыткой. Во всей этой неудавшейся комбинации он исходил из одного, простого предположения. Если за исчезновением Шадрина стоит измена, он обязан был каким-то образом попрощаться со своими родителями. Он не мог не понимать, что исчезает навсегда и никогда в этой жизни больше не увидит ни отца, ни матери. В этом предположении Грибин не сомневался. Пусть не открыто, пусть намёком, — он должен был их предупредить. Почему же его отец молчит об этом? У Грибина тоже был сын, и тоже работал в КГБ. И он поставил себя на место старшего Шадрина. Как бы он сам себя повёл, окажись его сын под подозрением в измене? К своему стыду, Грибин был вынужден самому себе признаться, что в подобной ситуации он тоже не стал бы топить своего сына.

Не стал бы топить своего сына...

* * *

В отличие от Грибина, Геннадий решил на оставшуюся часть этого субботнего дня совсем выбросить Шадрина из своей головы. Вечером, вместе с женой Тамарой они планировали пойти на концерт в новой, только что отстроенной Олимпийской деревне. Билеты на этот престижный, закрытый концерт не продавались. Попасть на него можно было только по специальным приглашительным открыткам, которые на входе ещё дополнительно сверялись со списками. Жечков получил эти открытки, можно сказать, по благу от знакомого директора магазина, который, в свою очередь, хотел «иметь связи» в прокуратуре. Поскольку ничего криминального в этом не было, Геннадий принял этот подарок, и теперь они с Тамарой с нетерпением ждали, как вечером они впервые вживую увидят настоящих звёзд советской эстрады.

Этот концерт называли «пробником»: оргкомитет Олимпиады проверял техническую готовность зала на 500 мест к проведению мероприятий культурно-развлекательной программы для зарубежных спортсменов, а так же отработывалась техника телевизионной трансляции. Таким образом, сами того не зная, Геннадий и Тамара оказались счастливыми зрителями звёздного концерта.

У дверей нового концертного зала выстроилась длинная очередь с вожделенными приглашительными билетами в руках. На входе каждый зритель называл свою фамилию, а контролёр, сверив её со списком приглашённых, уже надписывал на билете номера ряда и места в зале. Невольно прислушиваясь к звучащим в очереди разговорам, Геннадий и Тамара не верили своим ушам. На концерте должны были выступать Дмитрий Гнатюк, София Ротару, «Самоцветы», Тынис Мяги, Валерий Леонтьев, Роза Рымбаева... Было такое впечатление, словно этим вечером в Олимпийскую деревню вызвали всю советскую эстраду. Но главным, о чём то и дело шептались зрители, было, конечно же, ожидаемое всеми выступление Аллы Пугачёвой.

Убийцы на дорогах

Грибин знал, что Коллегия КГБ — высший орган власти в Комитете — в полном составе собирается только для обсуждения по-настоящему важных вопросов, и это не придавало ему оптимизма, поскольку сегодня на повестке дня был именно его вопрос. По лицам присутствующих, точнее, по безучастным взглядам участников высокого собрания, которые скользили мимо него, словно, мимо приговорённого к смерти, он сразу понял, что дело плохо.

Собравшиеся за столом настолько старательно пытались не замечать Грибина, что он решил облегчить их неловкое положение и стал смотреть в торец стола, туда, где сидел Андропов. Видимо, из-за холодного мая в кабинете Председателя было включено отопление, и помещение было настолько прогрето, что Юрий Владимирович даже снял пиджак, повесив его на спинку своего кресла. Сейчас он тихо беседовал с двумя секретарями, которые склонились к нему с какими-то бумагами. В ожидании начала совещания члены Коллегии обменивались простыми, далёкими от проблем госбезопасности новостями. В тишине кабинета до Грибина доносились обрывки приглушённых реплик:

— У меня зять купил «Жигули». Папа, говорит, садись. Куда? Не то, что ехать — я в неё еле влез. Да, этовам не ЗИС. О-о-о! Садись на диван, ноги протягиваешь... А как мягкшла. Мягко. Одно удовольствие.

В оставшиеся до начала совещания минуты Грибину, вдруг, вспомнилась история 35-летней давности. Ему, молодому тогда коммунисту, дали первое партийное задание — обеспечить безопасность на пруду, расположенному по соседству с посольством Индии. Каждое лето там тонули люди, в основном, по-пьяни.

— Что же мне, дежурить на берегу, что ли? — дерзко спросил он секретаря парткома.

— Партийное задание не обсуждается, а выполняется, и за утопленников ты будешь отвечать лично по дисциплинарной линии, — ответил секретарь.

Спустя два месяца там утонул мальчик. Все понимали, что Грибин не виноват, но при этом все помнили про партийную ответственность. Ему вlepили выговор с занесением в личную карточку. Тогда он впервые осознал, каково это — нести ответственность за то, что от тебя никак не зависит, чего нельзя избежать, предотвратить и даже предвидеть. И вот, на старости лет, опять тоже самое...

— Я прошу прощения, — извинился Андропов перед собравшимися, и в комнате сразу оборвались все разговоры, и воцарилась тишина. — Давайте начнём.

Андропов встал, снял со спинки кресла свой пиджак и, облачившись в него, принял свой обычный, официальный вид.

— У нас сегодня три вопроса. — Начнем, думаю, с самого тревожного.

Как по команде, Грибин глубоко и виновато опустил голову. Теперь все взгляды обратились в его сторону.

— Да, тревожный инцидент у нас произошёл. — Все уже, наверное, в курсе?

Андропов обвёл взглядом присутствующих, — все утвердительно и печально кивали головами.

— Не будем пока спешить с выводами. Работает наша оперативная группа, привлечены дополнительные ресурсы прокуратуры. Ясности пока нет. Или уже есть? — Андропов

вопросительно посмотрел на Грибина.

— Юрий Афанасьевич, чем вы нас успокоите?

Грибин по-офицерски встал в готовности начать доклад.

— Нет, нет, садитесь, пожалуйста — распорядился Председатель.

Первые десять минут Грибин излагал фабулу случившегося. Андропов прервал его лишь один раз, уточняя служебное положение Шадрина:

— Он работал в восьмом управлении?

— Так точно. Он занимал должность заместителя начальника отдела «А» Восьмого Главного Управления, — ответил Грибин.

— Отдел «А» у нас отвечает за связь, если я не ошибаюсь? — уточнил Андропов.

— Техническим обеспечением наших зарубежных линий связи, включая установку и обслуживание шифровального оборудования, а также разработкой, установкой и обслуживанием систем безопасности в помещениях наших резидентур, — квалифицированно уточнил один из членов Коллегии.

Андропов грустно покачал головой, взвесив в уме, насколько чувствительными для КГБ могут быть последствия исчезновения Шадрина.

В своём докладе Грибин, тем временем, перешёл к анализу и приоритетным версиям:

— ...согласно штатной процедуре, Шадрин постоянно — я подчёркиваю, постоянно — находился в поле зрения наших групп наружного наблюдения. Отчёты групп за последний год свидетельствуют, что ни в Москве, ни в Крыму, где он проводил отпуск с семьёй, Шадрин не имел сколько-нибудь подозрительных контактов. Анализ деятельности зарубежных резидентур в Москве в период с 16-го по 18 мая так же не зафиксировал всплеска активности.

Один из членов Коллегии в этом месте прервал доклад Грибина:

— Подождите, подождите. Вы же не постоянно следили за Шадриным?

— Постоянно, — ответил Грибин.

— Постоянно только охранники в тюрьме наблюдают, а ваше наблюдение, наверняка, было выборочным, не так ли? Вот он и мог ускользнуть в щёлочку.

— Игорь Иванович, — почти всех членов Коллегии Грибин знал по имени-отчеству — эксфильтрация сотрудника центрального аппарата КГБ из Москвы, а затем за пределы государственной границы не может быть осуществлена без разработки специальной операции с привлечением множества людей и многочисленных контактов с самим объектом. Я консультировался с сотрудниками внешней разведки, проводившими подобные операции за рубежом. Все они сходятся во мнении, что для подготовки операций такого рода требуется минимум полгода, и такая активность противника не может остаться нами незамеченной.

Андропов внимательно следил за диалогом, взвешивая все за и против сторон.

Грибин продолжал:

— В течение последнего года Шадрин трижды был в заграничных командировках, в том числе в ГДР. Согласитесь, что Берлин — это более удобная позиция для эксфильтрации агента, чем Москва. К тому же, существуют два обстоятельства, косвенно выступающие против версии измены.

— Какие обстоятельства? — спросил Андропов.

— Во-первых, это отсутствие мотивов. Карьеру Шадрина на всех этапах можно смело назвать более, чем успешной. Его знания и квалификация оценены по достоинству: в свои

тридцать четыре года он — заместитель начальника отдела. Каких-либо препятствий к дальнейшему служебному росту не имел. Молодой, красивый, умный мужчина, Шадрин всегда пользовался успехом у женщин: красавица-жена лучшее тому подтверждение. Так что, и как мужчина он, можно сказать, оценен по достоинству. Ни один сослуживец никогда не отмечал в его поведении даже намёка на какой-то затаённый внутренний конфликт или обиду. Родители его живы и здоровы. Это тоже немаловажно. Какой же мотив мог подтолкнуть его к тому, чтобы вот так, вдруг, поставить жизнь и благополучие всей своей семьи под угрозу? На данный момент я такого мотива не вижу.

— В социальном плане у него всё было в порядке? — спросил Андропов.

— Более чем, Юрий Владимирович. Три года назад он получил двухкомнатную квартиру в новом доме. Оклад триста пятьдесят рублей плюс тринадцатая зарплата. Грех жаловаться, как говорится.

Кто-то из присутствующих генералов бросил фразу:

— Простой авантюризм разве не может быть мотивом?

— Спасибо за подсказку, я как раз хотел перейти ко второму обстоятельству, косвенно реабилитирующему Шадрину. Вы сказали «авантюризм» — вполне может быть, но для танца нужны двое: можем ли мы предположить, что гипотетические американцы или англичане согласились бы на такой безрассудный поступок в отношении сотрудника центрального аппарата КГБ? Нет!

— Почему? — заинтересованно спросил Андропов.

— Юрий Владимирович, в нижнем звене разведки, на уровне резидентур могут разрабатываться любые, даже самые фантастические планы, но на высшем уровне руководство всегда просчитывает все риски и возможные последствия таких действий.

— И что? От американцев можно чего угодно ожидать, — возразил Андропов.

— Юрий Владимирович, я полностью с вами согласен в оценке их потенциала, но на похищение, — а если рассматривать версию измены, то по факту мы имеем дело именно с похищением — семьи сотрудника КГБ из Москвы по целому ряду причин их местная база санкцию получить не могла. Во-первых, потому что это очень острая акция, подводящая борьбу обеих спецслужб, практически, к состоянию войны, а значит, и ответных, зеркальных мер с нашей стороны. И им это прекрасно известно. А, во-вторых, если даже допустить, что Шадрин всё-таки, вышел на контакт с ними, то и в этом случае эвакуация агента, находящегося в безопасности, выглядит странно. Они, скорее, заставили бы его как можно дольше оставаться работать в аппарате разведки. Только здесь он мог быть им полезен.

— Так что же, они сквозь землю провалились? — спросил Андропов.

— Нет, Юрий Владимирович. У нас есть основания полагать, что всё более прозаично.

Перед самой важной частью доклада Грибину пришлось справиться с волнением, после чего его он стал говорить более уверенно и убедительно:

— В качестве приоритетной на данный момент мы рассматриваем версию криминального характера. Семья Шадриных владела практически новой, престижной «шестой» моделью Жигулей. Наша следственная группа пришла к выводу, что Шадрины могли стать жертвой нападения с целью завладения автомобилем. На чём основаны наши предположения? По агентурным данным наших источников в структурах МВД Московской области за последний год на дорогах Подмосковья произошло не менее десяти случаев разбойного нападения на водителей с последующим угоном принадлежащих им автомобилей. Причем, все пострадавшие, по всей вероятности, при нападении были убиты.

Грибин извлёк из своей папки документ и стал зачитывать из него отдельные фрагменты:

— По информации источника «Трифонова», близкого к руководству областного управления Внутренних Дел, только на участке Симферопольского шоссе с 30-го по 90-й километр в последние 6 месяцев произошло 3 нападения. По всей видимости убитые в результате нападений собственники автомобилей объявлялись в розыск как пропавшие без вести, при этом уголовные дела по статье «разбой» не возбуждались и следственных действий не проводилось. Как и поиска тел, разумеется.

Андропов снял очки и чуть громче, чем обычно опустил их на стол: было заметно, что он очень нервно воспринимает эту информацию:

— Безобразие, — тихо сказал он.

Грибин, тем временем продолжал цитировать донесение одного из своих агентов:

— ...в ответ на обращения родственников «пропавших без вести», руководство областных главков заявляло, что принимает самые энергичные меры в расследовании преступлений, однако, в своих регулярных отчётах не регистрировала эти случаи как имевшие место быть. Сводный анализ сообщений различных источников указывает на то, что безнаказанность преступников, а, возможно, и их информированность о служебном сокрытии этих фактов структурами МВД спровоцировали как дальнейший рост количества нападений на дорогах, так и расширение географии совершаемых преступлений, а именно: Егорьевское шоссе — два сокрытых преступления, Волоколамское шоссе — одно, Минское шоссе — три сокрытых случая разбоя, два из которых произошли в феврале и марте нынешнего года.

Упоминание последнего направления заметно взбудоражило членов Коллегии.

— Шадрины ехали в Тучково? — спросил Андропов.

— Так точно. По Минскому шоссе, — ответил Грибин, а затем, не сбавляя темпа, продолжил:

— Статистика по автомобилям выглядит следующим образом: в трёх случаях объектом нападения были владельцы «Волг» модели «ГАЗ 24», в семи остальных это были «Жигули» шестой модели. У нас есть информация от другого независимого источника из структур МВД. «Пётр» — это его кодовое имя — сообщает, что он был свидетелем незаконного переоформления криминального авто для его дальнейшего перегона в одну из республик Средней Азии. Поскольку в ходе проведённой нами негласной проверки эта информация подтвердилась, у нас есть весомые основания полагать, что в состав разбойных групп могут быть вовлечены действующие сотрудники милиции. Понятно, что это затрудняет наши поиски, но мы надеемся, что с помощью партийных органов и незапятнанной части сотрудников министерства Внутренних дел нам удастся распутать это дело.

— Вы видели эти наряды милиции, которые Щелоков поставил на каждом московском перекрёстке? — обратился Андропов ко всем членам Коллегии. — Это же стыд какой-то.

— Мне вначале показалось, что он детей сюда привёз, — поддержал Председателя один из генералов.

— Что вы хотите, он же на вокзале демобилизованных солдат отлавливает. Обещает им московскую прописку. Ребята из деревень, шуплые, низкорослые. До дома так и не доехали. Уже стоят в милицейской форме, несут дежурство. Это, конечно, очковительство, а не борьба с преступностью, — печально заключил Андропов.

Грибин мог праздновать маленькую победу: зерно упало в благодатную почву.

Андропов, если и не верил до конца в криминальную версию исчезновения Шадрина, то, по крайней мере, считал её вероятной на 50 %. Большого и не требовалось.

— Что у вас еще? — спросил Андропов у Грибина, показывая, что Коллегии пора переходить ко второму вопросу совещания.

— Я хотел бы доложить план наших оперативных мероприятий, — ответил Грибин.

— Работайте согласно вашего плана, — это был явный карт-бланш со стороны Председателя на все дальнейшие действия.

Грибин встал из-за стола:

— Я могу идти, Юрий Владимирович?

— Можете, — отпустил его Андропов.

Он попрощался с присутствующими и уже направился к массивной дубовой двери, когда его окликнул Андропов:

— Юрий Афанасьевич, передайте мне, пожалуйста, эти ваши документы по МВД.

— Копия документов уже у вашего секретаря.

— Спасибо, — поблагодарил его за расторопность Председатель.

По пути в свой кабинет — от приёмной Андропова его отделяли два этажа — к Грибину опять вернулось неприятное чувство тревожного ожидания. Каждый день, ровно в 15.30, когда в США наступало утро, он получал сводку последних новостей русской службы «Голоса Америки». Антисоветские новости со всей этой диссидентской чушью про Сахарова или Щаранского мало его заботили. Его интерес был в другом. Поскольку «Voice of America» являлась правительственной радиостанцией, через неё американская сторона имела привычку извещать КГБ о судьбах тех или иных советских перебежчиков. По глубокому убеждению Грибина янки делали это вовсе не из гуманитарных соображений, а только для того, чтобы унизить Комитет. С явной издёвкой они, словно, говорили: «Эй, ребята! Не ломайте голову, не ищите этого человека — с ним всё окей, он у нас».

И сейчас, подходя к дверям своего кабинета, Грибин даже представил, каким, в случае худшего оборота дела, будет отредактированный рукой ЦРУ текст:

«По проверенным данным наших источников в начале мая нынешнего года сотрудник центрального аппарата Комитета Государственной Безопасности в Москве майор Шадрин Виктор Иванович вместе с женой и пятилетней дочерью Настей бежали из Советского Союза. Детали дерзкого побега не сообщаются. В настоящее время семья Шадриных находится в безопасности в одной из стран Западной Европы. По непроверенной пока информации супруги Шадрины уже обратилась к правительству Соединённых Штатов с просьбой о политическом убежище».

Наверное, как-то так будет выглядеть профессиональный некролог начальнику первого отдела Второго Главного Управления полковнику Грибину.

Он быстро пробежал глазами сводку последних новостей «Голоса Америки». «Некролога» он там не обнаружил. Затем он ознакомился с телеграммами из Хельсинки, Бонна и Лондона. Все три резидентуры не зафиксировали повышения активности со стороны своих американских и английских «коллег».

Всё было настолько тихо, что в какой-то момент Грибину даже показалось, что он и сам уже готов поверить в версию с разбойниками на дорогах.

Остывающие следы

Жечков не мог больше ждать и поехал на квартиру Шадрина, невзирая на то, что там еще работали чекисты.

На первый звонок никто не ответил. Собственно, его это не удивило, примерно такого поведения от кагебешников он и ожидал. Когда изнутри не отреагировали на второй звонок, он задумался: если такой же безуспешной будет и третья попытка, то что ему останется делать — стучать в дверь кулаками и кричать, что он следователь прокуратуры?

Но дверь осторожно открыли и пожилой лысый мужчина, как ни в чём не бывало, осведомился:

— Что вам здесь нужно?

Жечков предъявил свое удостоверение и представился, полагая, что этого достаточно, но человек изнутри не снял цепочку с двери.

— Я должен позвонить своему руководству, — сказал он и снова захлопнул дверь.

Из лифта вышла пожилая женщина с собакой и подозрительно посмотрела на топчущегося под дверью Жечкова. Он отвернулся от неё, а она не задала никаких вопросов: почти все жильцы этого дома имели отношение к Комитету, и Геннадий чувствовал здесь себя непрошеным гостем.

— Входите, пожалуйста, — открыв дверь, сказал лысый мужчина, видимо, получивший по телефону указание не чинить препятствие следователю. — Сразу одна просьба: — дополнил он — не трогать ничего в доме без нашего разрешения и без перчаток.

В ответ на удивленный взгляд Жечкова он протянул ему пару белых хлопчатобумажных перчаток.

В маленькой прихожей висел модный японский настенный календарь с девушками на пляже. Май 1980 был представлен японкой в ярко голубом купальнике: обернувшись и невинно улыбаясь, девушка демонстрировала свои маленькие, облепленные приставшим песком ягодицы. Чуть ниже симпатичной попки карандашом был написан чей-то номер телефона. На полу стояла небольшая тумба для обуви с двумя парами мужских летних туфель и несколькими женскими.

Жечков заглянул в первую налево комнату и немало удивился открывшемуся зрелищу. Техники КГБ на взгляд непосвящённого человека занимались совершенно диковинными вещами. Так, открывший ему дверь лысый мужчина, подключив к телевизору прибор, похожий на осциллограф, время от времени включал и выключал цветной «Рубин», отмечая показания на своем приборе. Со стороны он был похож на обычного телемастера за ремонтом телевизора, однако за заднюю крышку, в чрево телеприемника он даже не заглядывал. Это было странно. Если они ищут какой-то шпионский передатчик, — подумал Жечков — то почему они не разобрали его по частям? Таким же странным ему показалось то, что в комнате не было никаких следов обыска: все, вплоть до самых мелких, лежали на своих местах. Техники молча и бесшумно ходили по комнате в одних носках и каждый занимался своим делом. Один из них с наушниками на голове при помощи тонкого провода проверял электрическую розетку в стене, а другой с фонариком на лбу обследовал вертикальный стояк отопления.

В это время лысый вновь включил телевизор, на экране появился эстонский певец Тынис Мяги с модной этой весной песней про Олимпиаду и на словах «королевы плавания,

бокса короли» снова погас.

— Ничего не понимаю, — выключив телевизор, разочарованно сказал лысый.

Чего он не понимает? — недоумевал про себя Жечков. Что ему надо-то от этого телевизора? Если он что-то ищет, то зачем тогда включает и выключает его?

Тем временем, техник с фонарём на лбу поделился с коллегами результатами своих изысканий:

— По трубе идёт минус.

— Такая хрень в каждом доме, — успокоил его лысый. — Какой-то местный Кулибин от розетки кинул массу на трубу, чтоб за электричество не платить.

Всё-таки, КГБ — это отдельная цивилизация, — сделал вывод Жечков и перешёл во вторую комнату. Обстановка в ней была более интимной. Двухспальная супружеская кровать, рядом дорогая стереосистема с большими напольными колонками. Внушительная стопка грампластинок. Жечков надел перчатки и стал перебирать коллекцию виниловых дисков. Как человек далёкий от меломании из сорока двух пластинок он увидел на конвертах лишь два знакомых ему названия — «Deep purple» и «Rolling stones». Ещё он знал «Smokie» и «Beatles», но их почему-то в коллекции Шадрина не было. Зато были какие-то «Юрияхип», «Моторхед», «Свит» и много других, незнакомых ему групп.

В изголовье кровати висела маленькая полка с книгами. Протянув руку за книгами, он, вдруг, вспомнил, что уже неоднократно нарушил инструкцию чекистов не трогать ничего без разрешения. На всякий случай, он посмотрел в прихожую и, убедившись в отсутствии контроля, приступил к изучению книг. Почти все они были на английском языке. Судя по количеству формул внутри, речь в них шла о математике. Последней на полке стояла книга в самодельном переплёте, сделанная кустарным способом. На полях многих страниц от руки, карандашом были сделаны пометки, возможно, самим Шадриным.

Услышав приближающиеся шаги, Жечков, неожиданно для самого себя, повинувшись спонтанно возникшему желанию, быстро засунул эту книгу во внутренний карман своего плаща и сразу же принял вид простого созерцателя.

«От них не убудет, пусть сначала с телевизором разберутся. В конце концов, я — следователь.» — заключил он.

Не обследованными оставались туалет и ванная. Изучение туалетных тайн он решил предоставить техникам КГБ, которые, несомненно, возьмут там пробы воды и изучат состав туалетной бумаги, а вот в ванную комнату всё же стоило заглянуть. И он не ошибся: там его ожидал сюрприз.

— В ванной комнате вы ничего не трогали? — громко спросил он у техников.

— Всё как в музее, — ответил ему голос из первой комнаты.

На полу, под раковиной стоял голубой пластиковый таз с замоченным в стиральном порошке бельём. Сквозь мутную жижу проступали воротники голубых и белых мужских рубашек.

Будучи холостяком, Жечков однажды вот так же оставил на несколько дней в стирке свою одежду, и с тех пор он знал, что так делать нельзя. Длительный контакт с «Лотосом» разъел краситель ткани, и одежду пришлось выкинуть. Шадрин холостяком не был, а его жена, как и все хозяйки не могла на два дня (у друзей на даче они планировали гостить до понедельника) оставить белье в порошке. Может быть, она неумёха? — подумал он и сам же отмёл это предположение. В тридцать два года Марина Шадрина имела десятилетний опыт супружеской жизни, к тому же она вырастила дочь — нет, не знать таких азов женского

хозяйства она не могла!

Интересно, — задумался он — обратил ли внимание на этот таз Федосеев или его люди? Жечков припомнил, как, спускаясь по лестнице после встречи с родителями Шадрина, Федосеев поведал ему об одной странной детали: спустя буквально три или четыре с момента исчезновения сына к нему в квартиру пришла его мать и деловито забрала из холодильника несколько банок с домашними соленьями. Такое поведение родителей Шадрина показалось КГБ странным. Жечков согласился тогда с Федосеевым, он тоже считал это действие неадекватным ситуации. Однако, про таз с бельём Федосеев ничего не сказал. Почему?

«Не потому ли, что с самого начала Федосеев отвёл мне лишь криминальный аспект, не желая, чтобы я вмешивался во всё остальное?» — впервые задался вопросом Жечков.

Если замоченное бельё было оставлено демонстративно, — а другого объяснения он не находил — значит, это было использовано как маскировка: вошедшие в квартиру должны видеть полное отсутствие каких-либо сборов или подготовки к отъезду, вот, мол, даже бельё в стирке оставили; вся обстановка в доме должна была указывать, что жильцы вот-вот вернуться.

— Мы на сегодня закончили и уходим, — прервал мысли Жечкова один из техников.

— Я тоже закончил, — ответил он.

И, вдруг, в квартире зазвенел телефон.

Техники поспешили покинуть комнату, словно, звонивший мог их увидеть. Абонент на том конце был настойчив, снова и снова набирая номер Шадрина. Из-за непрекращающихся звонков три техника, а вместе с ними и Жечков не могли покинуть комнату: старший группы запретил открывать дверь, пока телефон не умолкнет. В результате, не меньше десяти минут всем пришлось проторчать в коридоре в ожидании команды на выход. Когда Жечков оказался, наконец, на улице, у подъезда его уже с нетерпением поджидал водитель Юра.

— Геннадий Викторович, вас Федосеев ищет. Он звонил в квартиру, но там не брали трубку. Сейчас вызов перевели на машину. Вас ждут на линии, — указав на свою бордовую «Волгу» доложил Юрий.

— Какие кнопки здесь нажимать? — спросил у Юрия впервые пользующийся радиотелефоном Жечков.

Юрий быстро что-то нажал и бросил:

— На связи.

Федосеев спешил поделиться с ним новостью: оперативники из областного управления вышли на след банды, совершающей разбойные нападения на дорогах. Говорил он спешно, словно, опаздывал:

— У них в руках есть человек, который даст нам ключ. Парень напуган, заявлять в милицию боится, говорит, что доверяет только нам. В общем, чем раньше ты снимешь с него показания, тем лучше и для нас, и для него.

Через двадцать минут бордовая «Волга» под управлением Юрия съехала с развязки московской кольцевой дороги и по Минскому шоссе устремилась в сторону области. Жечков вглядывался в пронесившееся мимо пейзажи, памятуя о том, что именно по этой дороге десять дней назад ехал Шадрин. Или не ехал?

Тридцать пять километров, отделяющих Москву от Голицыно, Юрий пролетел минут за двадцать. В местном филиале КГБ его встречали как важную персону, поскольку были предупреждены телефонограммами из центра.

Первым делом местные чекисты попросили Жечкова пересесть на другую машину, а «Волгу» Юрия оставить пока в управлении. Другой машиной оказался выдавший виды, пыльный и неопрятный 412-й «Москвич», в который он еле поместился. Сзади, на удалении за ними следовала такая же бывалая первая модель «Жигулей». Итого, на две машины приходилось три чекиста. Жечков не понимал, чем вызвана такая конспирация и почему свидетеля нельзя было вызвать в управление.

— Голицыно очень маленький город, многие знают друг друга в лицо и постоянно пересекаются на улице, — объяснил ему человек за рулём.

— Неужели у вас нет конспиративных квартир?

Водитель лишь улыбнулся в ответ.

Миновав лес и железнодорожный переезд, «Москвич» свернул с шоссе на грунтовую дорогу и двигался вдоль высоких заборов, за которыми виднелись дома частного сектора. Перед большой лужей водитель притормозил, аккуратно опустив передние колеса в выбоину, при этом он внимательно смотрел на забор с табличками номеров домов.

Внезапно, Жечков заметил тень, откуда-то сзади метнувшуюся к их машине. Через мгновение на сидение за его спиной плюхнулся молодой парень, опасливо оглядывающийся по сторонам. Водитель внимательно посмотрел в зеркала и прибавил газа.

Ехали молча. Молчал и парень на заднем сидении. Жечков решил не нарушать тишины и подождать, пока ему представят заднего пассажира.

Обе машины заехали в близлежащий лес и заглушили двигатели.

Сидящий рядом с Жечковым водитель, не оборачиваясь, а глядя в салонное зеркало, сказал парню:

— Вот, познакомься. Это следовательно по особо важным делам прокуратуры России. Можешь ему верить, как нам.

Жечков услышал, как парень за его спиной ухмыльнулся.

— Давай знакомиться. Жечков Геннадий Викторович, — обернувшись в пол-оборота, обратился он к парню.

— А вы мне не накатите как в прошлый раз? А то я чё-то волнуюсь, — нагло сказал парень, на руке которого Жечков увидел татуировку.

— Вообще-то тут не подают, — ответил водитель, протянув ему плоскую бутылку коньяка.

Отхлебнув с запасом, молодой человек стал более раскован:

— С чего мне начинать? — спросил он.

— С самого начала. Повтори то, что сказал нам.

— Ну ё, опять двадцать пять. Ну, короче, подзаработать мне предложили. Сказали, что, типа, есть один деловой, который ищет гаражи.

— Кто вам сказал про этого делового? — сразу прервал его Жечков.

— Ну, Леха с Вязём, знакомый мой.

— Посёлок Малые Вязёмы, — специально для Жечкова уточнил водитель.

— Ну, да. Рубль, говорит, даёт, но только если гараж в частном секторе.

— Сто рублей, — вновь уточнил водитель значение слов.

— А чо, поди хуёво рубль на халяву. Я отцовскую колымагу откатил нахер и, типа, давай, в чём проблема?

— Вы живёте в этих Вязёмах? — спросил Жечков.

— Я на Кубе живу, в Вязёмах дом отца.

— Кубинка, двадцать километров по минскому шоссе отсюда — опять перевёл аргю водитель.

— Так, и он вам заплатил?

— Да, типа, послал за три месяца. Я прифигел, конечно. Ну а чо, если деньги дают, я должен отказываться? Понятно, там, я же не дурак, что просто так бабки не дают. А мне похуй. Машина постоит, постоит и уходит. Ну и пошла она нахер, ничего не видел, не знаю.

— Что значит «уходит»?

— Приходит чел и её угоняет.

— Не понял.

— Ну, перегонщик приходит, чё непонятного.

— Продолжайте, — попросил его Жечков.

Парень отхлебнул еще коньяка, тяжело вздохнул и перешёл к самой тяжелой для себя части рассказа.

— А что продолжать? Полез в машину, а там под ковриками кровью всё пропитано. Снял чехлы. Ну, видно, что пидарасили, но в складках замьли херово. Короче, думаю: не, ребята, идите на хуй. У меня срок был, так что накинут мне легко и повесят всё паровозиком. А куда мне идти? В ментуру? Они же и засадят меня. Ептыть, — участие в преступной группе! Вот, пришёл я к чекистам. Спасайте меня, ребята! Я ни в чём не виноват.

— А с этим деловым, как ты говоришь, ты встречался?

— Вообще его не видел.

— А как же он тебе деньги платил?

— Перегонщик платил, когда машину ставил.

— А перегонщика ты знаешь?

— Нет, конечно. Приехал затемно, сунул три бумажки, даже слова не сказал.

— А как он выглядел, ты помнишь?

— Хмырь какой-то в кепке, лет сорок.

— А потом забирал машину он же?

— Не, другой.

— А за что ты сидел?

— Двести шестая, часть вторая.

— Сейчас у тебя в гараже какая машина стоит?

— «Шаха» жёлтая.

— Давно её пригнали?

— Дней десять назад.

— И сколько времени у тебя, в среднем, отстаиваются машины?

— Месяц-два, не больше.

— Машина просто стоит или с ней кто-то работает?

— Не, вообще никого. Просто стоит.

— А этот твой друг, Лёха, откуда он узнал про «делового»?

— А я хуй знает.

— А где Лёха живёт?

— Лёха-то? Лёха в Жаворонках живёт. Пионерская, двадцать семь.

На обратном пути в Москву Жечков попросил Юрия не гнать быстро. Ему хотелось чуть продлить поездку, полюбоваться красотой свежего майского леса и хотя бы на полчаса

отрешиться от служебных забот.

Всё было сложно. Вероятность гибели семьи Шадриных от рук этой банды была не намного выше, чем от падения метеорита. Эта математическая выкладка, конечно же, не освобождала Жечкова от дальнейшего раскручивания криминальной версии. Вне зависимости от исхода дела Шадрина, банду убийц необходимо было в кратчайшие сроки изобличить и предать суду. Однако, его не покидало ощущение, что Федосеев руками прокуратуры хочет довольно грубо пришить одно к другому. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы просчитать дальнейшую комбинацию: с большой кровью на руках, идущим под «вышку» бандитам помогут «вспомнить» еще один эпизод, — и дело в шляпе.

Невесёлые раздумья Жечкова прервал зуммер радиотелефона. Это был Федосеев.

— Ты где? — спросил он.

— Возвращаюсь из Голицыно.

— Какие-то зацепки есть?

— Думаю, да.

— Это дело надо быстрее раскручивать, пока соседи не проснулись.

— Я понимаю, — ответил Жечков, знавший о том, что «соседями» в структурах Федосеева называли МВД.

Но главную новость Федосеев припас для конца разговора:

— Прокуратура приняла решение усилить твою группу. Буквально с завтрашнего дня в твоё распоряжение откомандированы шесть следователей. Если не хватит, дадут еще, твоё дело поставлено в приоритет.

— С такими силами, надеюсь, мы будем быстро продвигаться.

— Давай, шуруй!

Жечков убрал трубку в бардачок, когда они уже проезжали мотель «Можайский» на самом въезде в Москву. Отключиться от забот и полюбоваться весенним лесом не удалось.

КГБ хочет видеть Шадрина мёртвым — это Жечкову было ясно. Как и то, что в этой игре ему отводилась главная роль.

Что сказала Ванга

Утром, в субботу, 31 мая, Грибин, не заезжая в Большой Дом, отправился на своей служебной машине в дачный посёлок Кратово. Неделю назад он позвонил Игорю Петровичу Старостину, ветерану разведки и, справившись о здоровье, попросил у него помощи. Старостин давно уже был на пенсии, и ему было приятно время от времени помогать действующим сотрудникам, когда им требовалась консультация. Поэтому он с удовольствием согласился принять участие в предложенной ему Грибиным оперативной игре. По условиям этой игры он должен был поставить себя на место американцев и, полагаясь на знание методов ЦРУ и свой личный оперативный опыт, составить план побега Шадрина (вместе с семьёй) из Москвы.

Четырнадцать лет назад, когда из английской тюрьмы бежал Джордж Блейк, успешно затем покинувший остров и добравшийся до восточного Берлина, Старостин работал в лондонской резидентуре. И хотя даже в частных комитетских разговорах никогда не поднималась тема причастности КГБ к побегу Блейка, тем не менее, спустя несколько месяцев после этого события, Игорь Петрович был награждён Орденом Боевого Красного Знамени. Для Грибина это было достаточным подтверждением истинной роли своего старшего коллеги в той легендарной операции.

Пожилого человека с палочкой он увидел издалека и, попросив водителя остановиться в начале длинной дачной аллеи, покинул машину и зашагал ему навстречу.

— А я не с пустыми руками! Теперь вся рыба ваша! — издали приветствовал Старостина Грибин.

Он извлёк из кармана набор японских лесок для рыбной ловли. Затем они обнялись.

— Здравствуйте, Игорь Петрович. Ну, как вы тут?

— Спасибо, спасибо. Да потихонечку.

— Когда на рыбалку пригласите?

— Да ведь на мелкую рыбёшку у вас, наверное, времени нет.

Грибин засмеялся.

В отстранённых беседах на рыболовно-дачные темы они неспешно прогулялись по Кратово.

— Хочу поменять дачу, — признался Старостин.

— Почему? Где вы еще найдете такой чудесный сосновый бор?

— Как раз эти сосны и неприятны мне.

Грибин удивлённо-вопросительно повернулся к собеседнику.

— Вот все эти дачи, — Старостин указал поднятой палкой на зелёные заборы справа и слева — это же люди Ежова получали. Когда их расстреляли, в них въехали люди Берии.

Грибин опустил голову, никак не комментируя скользкую сталинскую тему.

— Порой я задумываюсь, как они жили в этих домах? Как им спалось?

— Что было, то было, — пытаюсь закруглить этот разговор, сказал Грибин.

— Это понятно. Вот только сосны...

— А что сосны?

— Напоминают, что-ли... Не знаю. Неприятно.

Грибин поднял голову, пытаюсь взглянуть на высокие стволы корабельных сосен с точки зрения Игоря Петровича. «Сосны как сосны — подумал он. Просто на пенсии у человека

появилось больше свободного времени: быть может, он стал больше читать, думать, а при возрастной склонности к сентиментальности в голову полезли совершенно не свойственные ему прежде мысли».

Полчаса спустя на дачной веранде за крепким индийским чаем они уже обсуждали детали их внутренней оперативной игры.

— Итак, если бы я был на месте американцев, — начал Старостин. Вывезти сотрудника КГБ из Москвы, да еще и с семьей — это чистая авантюра, поскольку вероятность провала операции очень высока.

— То есть вы бы отказались?

— Я заявил бы свое особое мнение, в котором выразил бы все свои сомнения. И я убежден, что что-то подобное происходило и у них на кухне.

— Допустим. Однако, несмотря на ваше особое мнение, вы получили приказ на разработку операции.

— Я начал бы с изучения каналов. Конечно, самый безопасный — это дипломатический канал. Посольство регулярно вывозит за из Москвы весь свой «мусор». Самолёт и багаж не досматриваются. Контейнеры достаточно большие, чтобы там уместить двоих взрослых и ребёнка.

— Итак, это ваш первый вариант? — уточнил Грибин.

— Это вообще не вариант. Я сказал только то, что он самый безопасный для ЦРУ, но в реальности он не выполним.

— Почему?

— Эта операция требует активного вовлечения посла и госдепартамента. И я не могу представить силу, которая заставит и без того запуганного посла в Москве и толпу бюрократов из Вашингтона на пустом месте рисковать сверх всякой меры.

— А если риск оправдан? Ведь они получают ключи к нашей глобальной шифровальной системе? Это они и попытаются объяснить дипломатам.

— Тем более! Чем глубже погружать дипломатов в детали, тем выше у тех будут волосы вставать дыбом! Что? Вы хотите прямо с Лубянки выкрасть русского шифровальщика и засунуть его в наш багаж? Вау, отлично придумано — вот что они скажут.

— Хорошо, но сама попытка договориться с дипломатами могла иметь место?

— Ни в коем случае, — отрицательно покачивая головой, ответил Старостин. Сама попытка такого рода просьбы — это уже скандал.

— То есть они никого не ставят в известность?

— И проводят операцию собственными силами под свою ответственность и немалую, кстати, — подтвердив правильность предыдущего утверждения, продолжил мысль Старостин.

— Это не похоже на них.

— Согласен.

— Как ты это можешь объяснить?

— Моё мнение ты слышал. Я с самого начала был против.

— Допустим. Но если это настолько рискованная операция, то, в таком случае, как её могли утвердить?

— Значит, я — я же цэрэрушник по правилам игры, да? — разработал такую операцию, при которой риск провала сведен для управления к минимуму.

— Каким образом это возможно?

— Об этом я думал всю неделю, и знаешь, что решил?

— Что?

— Не использовать в операции личный состав.

— Ты хочешь сказать, что никакой операции не было?

— Можно и так сказать.

— Объясни.

— Я бы предоставил агенту информацию об окне на границе, но при условии, что добираться туда он будет сам. В случае его задержания ЦРУ остается в стороне от инцидента. Здесь, в Москве, агент, конечно, сознается в причастности управления, но открытого скандала не будет. Вот как бы я поступил.

— То есть в субботу днём вместе с женой и дочкой он просто сел на поезд?

— Да!

Прокручивая эту мысль в голове, Грибин закурил, что в последнее время делал крайне редко.

— Логично, но есть одно но.

— Какое?

— Зачем, в таком случае, они задействовали автомобиль Шадрина?

— Какой автомобиль? — удивился Старостин.

— В день исчезновения, в субботу, 10 мая, Шадрины выехали на своем автомобиле на дачу к друзьям.

— Я первый раз слышу про автомобиль. Почему же ты мне сразу не сказал про эту деталь?

— Теперь ты об этом знаешь.

— Автомобиль, конечно, не найден?

— Пока нет.

— Это меняет всё дело.

— В чём именно?

— Мне надо подумать. Но это очень странное решение. По крайней мере, на первый взгляд.

— Ты бы использовал автомобиль в операции?

— В здравом уме — никогда. Куда его потом девать? Как от него избавиться? Зачем он вообще нужен, когда можно сесть в метро и без проблем доехать до вокзала. Тем более, они ехали к друзьям, и дорога на вокзал к пригородной электричке не вызывала никаких подозрений.

— Однако, это факт.

— Подожди, подожди, — вдруг, вспомнил о какой-то важной детали Старостин. Раньше они ездили к этим друзьям?

— Да.

— На машине?

— Да.

— Тогда всё становится на свои места. Я бы точно так же поступил.

— Не успеваю за ходом твоей мысли, — попросил уточнений Грибин.

— Понимаешь, всё правильно. Если они всегда при поездках к друзьям пользовались автомобилем, а в этот раз выбрали электричку, это само по себе вызывало бы вопросы.

— Согласен. Но тогда как быть с проблемой утилизации авто?

— Этого я не могу сказать. Вы хорошо искали? Может, все-таки, они где-то бросили её в Москве?

В ответ Грибин лишь печально вздохнул.

— Мне кажется, я понимаю, что они могли задумать, — неожиданно признался Старостин.

Грибин поднял голову и сосредоточенно посмотрел на собеседника.

— Эксфильтрацию они прикрыли идеальным исчезновением.

— Идеальным исчезновением?

— Попробую объяснить. Мы читаем их мысли, они наши, не так ли? Они могли просчитать нашу реакцию. Как мы, в принципе, можем отнестись к исчезновению нашего сотрудника? С одной стороны, пока мы не найдём трупов, мы не можем исключать версию побега и предательства, верно?

— Верно, — пытаюсь уловить ход мысли, ответил Грибин.

— А с другой стороны, — продолжил Старостин — пока американцы не признают эксфильтрации Шадрина из Союза, мы будем продолжать искать эти трупы. А если мы так и не найдём трупов, а американцы так и не признаются в эксфильтрации, то что получается?

— Хочешь сказать, что... — начал было Грибин.

— Замкнутый круг получается. По которому можно ходить годами. Идеальное исчезновение. Малейший найденный нами след размыкает этот круг, — вот почему я думаю, что о зачистке следов они позаботились в первую очередь.

— Куда-же они, по-твоему, дели Жигули Шадрина? Всё-таки это больше тонны железа.

— На месте американцев я бы её съел, — как бы пошутил Старостин.

— Допустим. Кто, в таком случае, должен избавляться от машины? Агент?

— Нет! Во-первых, у него нет на это времени: его путь до окна на границе рассчитан по минутам, он не может колесить с семьёй по каким-то лесам и болотам. А во-вторых, руководитель операции никогда и не доверит это агенту, поскольку не сможет проконтролировать, насколько хорошо тот справится с этой задачей. Малейшая осечка с его стороны и мы найдём улику, потянем за хвост и операция «идеальное исчезновение» провалена. Шадрин выехал из дома в субботу в половине одиннадцатого?

— В десять двадцать, — уточнил Грибин.

— Значит, до его выхода на службу в понедельник у него было всего сорок шесть с половиной часов, за которые он должен был успеть на поезде — самолёт исключается — добраться до приграничной станции и каким-то образом пересечь границу. В таком сжатом тайминге заботу о машине они должны были взять на себя.

— Не пора ли вам отобедать? — спросила вошедшая на веранду супруга Старостина. А то я смотрю, ты совсем гостя заболтал.

— Спасибо, но мне в Москву надо возвращаться.

— Поешьте и вернётесь.

— А и правда, полчаса ничего не решат, а у меня хороший армянский коньяк стоит не початый.

— Ну, если армянский..., - в шутовском тоне поддался уговорам Грибин.

Супруга Старостина быстро накрыла стол, и Грибин учтиво поинтересовался:

— А хозяйка с нами разделит трапезу?

— Нет, нет, нет, я уже поела, — так же учтиво ответила она, за долгие годы совместной жизни приученная не мешать служебным разговорам своего мужа.

— Игорь Петрович, у вас сложилось, наверное, своё мнение обо всей истории, — вернулся к теме беседы Грибин.

— Не хочу быть пророком... — выдохнул Старостин.

— И всё же?

— Я скажу так: вероятность несчастного случая с семьёй Шадрина всё-таки существует.

— Я вас понял, — не сумел скрыть разочарования Грибин.

— Давайте выпьем, чтобы всё хорошо закончилось, — поднял бокал хозяин дома.

Выпив первую, добрую рюмку коньяка, Грибин осмотрелся по сторонам и так тихо, чтобы даже человек у окна его не расслышал, признался Старостину:

— Наши ребята в Болгарии ездили с фотографией Шадрина к Ванге.

— Что за бред?

— Это не моя идея. Из самого верха исходила. Там, похоже, верят во всем эти джунам.

— Зачем ей фотография? Она же слепая. Да и вообще она подставная, же знаем, кто справки для неё готовит.

— Всё так, но говорят, что и без госбезопасности она порой выдаёт удивительную информацию.

— И что она выдала нам?

Грибин сделал паузу, будто раздумывая, стоит ли делиться таким.

— Взяла фотографию Шадрина, подержала её в руке минут пять и сказала две фразы: «Девочке дали таблетку от астмы, чтобы тихо спала» и «усыпили девочку, усыпили». А у дочки Шадрина, действительно, астма. У неё спросили, кто дал таблетку, а она впала в транс и стала городить какую-то чепуху.

— Мракобесие какое-то, — с брезгливостью отреагировал Старостин.

— Про дочку она могла угадать, но откуда ей известно про астму? — искренне удивлялся Грибин.

— А болгар по Шадрину проинформировали?

— В том-то и дело, что и нет.

— Не верю я в эти чудеса.

— Вот такие дела, Петрович, — философски заключил Грибин.

Выйдя из гостеприимного дома Старостиных, Грибин поблагодарил Игоря Петровича за «неоценимую помощь в оценке ситуации», а так же его супругу за прекрасный обед.

— А на сосны ты зря обижаешься. Деревья не виноваты, — на прощание сказал он, усаживаясь на заднее сидение своей «Волги».

— Берёзки мне ближе. Осенью стоят как золотые, а тут что? Одни иголки.

Уже удаляясь от посёлка по берегу красивого озера, Грибин оглянулся на Кратово. Высоченные сосны величественно раскачивались от набежавшего перед грозой ветра. Над озером сверкнула первая молния, и вскоре на шоссе обрушился проливной дождь. Дворники на лобовом стекле уже не справлялись с потоками воды, а дождь так громко стучал по крыше, что Грибин не слышал, что говорит ему водитель. Ему даже почудилось, что машина оказалась под водой, и они медленно погружаются на дно. А в голове всё крутилась и крутилась головоломка, которую ему задал Старостин — никаких следов побега и никаких следов смерти. Идеальное исчезновение.

Карелия: по следу убийц

6 июня Жечков вылетел в Петрозаводск. Позади остались десять дней напряженного труда всей следственной группы, которую он заставил работать в сумасшедшем темпе и лишь с одним плавающим выходным. Начальник из него получился, конечно, — никому не пожелаешь, но результаты были налицо. Личность и местонахождение того самого «делового», который искал по округе гаражи в частном секторе, были установлены. Им оказался некто Самохин, проживающий в Наро-Фоминске на квартире своей сожительницы. Прописан он был в Карелии и в московскую область перебрался год назад. Чтобы выяснить круг его знакомств, Жечков вначале распорядился установить за ним круглосуточное наблюдение, но в тот же день отменил своё решение. Он позвонил Грибину и запросил у него хорошую бригаду наружного наблюдения из КГБ, поскольку опасался, что топтуны из МВД могут быть обнаружены Самохиным и тогда он надолго «уснёт».

Наблюдение за Самохиным позволило в течение недели, помимо гаража в Жаворонках, выявить ещё три места отстоя криминальных машин. Все они располагались на западе московской области. В ходе ночной операции, во всех четырёх точках одновременно были негласно проверены находящиеся там автомобили. Три машины можно было считать условно чистыми — они просто числились в угоне, — а вот четвёртая была «мокрая». ВАЗ 2106 красного цвета оказался зарегистрированным на мужчину, который с февраля 1980 года числился в розыске как пропавший без вести. Чтобы не упустить эту машину, за гаражом был закреплён постоянный пост скрытого наблюдения.

Параллельно Жечков обратился в следственную часть прокуратуры Петрозаводска, где прежде проживал Самохин, с целью выяснить у своих карельских коллег наличие у них дел, связанных с нападениями на водителей. Так же его интересовали поступившие к ним запросы по розыскным делам пропавших без вести. Тут-то всё и закрутилось.

Оказалось, что в Карелию за последний год из разных областных управлений внутренних дел поступило шесть запросов по поиску пропавших авто-путешественников. Поскольку никаких следов и признаков нападения на водителей обнаружено не было, уголовные дела возбуждать не торопились. Жечков хорошо понимал всю эту кухню: никто не хотел вешать на себя расследование тяжких преступлений, пока не были обнаружены тела жертв и не установлены места предполагаемых убийств. Во внутренней переписке управления внутренних дел отфутболивали эти дела друг другу.

— Почему вы считаете, что их убили именно в Карелии? Почему не на обратном пути, где-нибудь под Курском? — говорили одни.

— Но вы же не станете отрицать, что это не первый случай, когда автотуристы пропадают в Карелии? — отвечали другие.

— Откуда вам известно, что они пропали именно в Карелии? — вновь кипятились первые.

И так по кругу.

Но теперь, когда в руках следствия оказался Самохин, появился шанс сдвинуть дело с мёртвой точки. Жечков летел в Петрозаводск, чтобы на месте проверить все связи подозреваемого и, если повезёт, обнаружить улики.

— Вот типичный случай, — уже в Петрозаводске начал вводить Жечкова в курс дела

местный следователь по фамилии Валтонен. Военный летчик из Мурманска прошлым летом вместе с женой на своей «Волге» поехал в отпуск к родителям в Белгородскую область. До отчего дома не добрался. Родители через неделю заявили в Белгороде о пропаже. Розыскное дело открыли по месту службы, в Мурманске. Теперь они нас запрашивают. А причём здесь мы? Если человек пропал где-то по дороге, давайте тогда запрашивать по всему пути, вплоть до Белгорода.

— Понятно, а если говорить неформально, у вас есть какая-то информация по этим случаям? — спросил Жечков.

— Неформально — это как? — встревожился следователь.

— Неофициально, между нами, вы допускаете скрытую преступность в вашей республике?

Валтонен посмотрел на Жечкова недоверчивым взглядом, взвешивая в уме, можно ли с ним откровенничать.

— Вы, значит, тоже считаете Карелию гиблым местом?

— Пока вы не докажете обратного.

— Но почему? — вспыхнул Валтонен.

— Потому что в Карелии туристы чаще съезжают с дороги и в диких местах ставят палатки.

— Вы сказали «чаще». У вас есть какая-то статистика?

— А вы считаете, что туристам всё равно, где останавливаться на отдых?

— Абсолютно.

— Не любите вы родной край.

— Да причём здесь это! В любом месте Союза водитель может получить по голове: отошёл отлить на обочину и поминай, как звали.

— Вы настоящий патриот ... родного УВД.

— Разве это плохо?

— У вас есть осведомители в криминальных кругах? — резко изменил тему беседы Жечков.

— Имеются.

— Кто-то близкий к станциям техобслуживания, знающий людей в автосервисе?

Перебирая в уме кандидатуры, следователь задумался.

— Ну, можно начать с «Боцмана». Он тут всех знает.

— Чем он занимается?

— Числится грузчиком на хлебокомбинате. А, на самом деле, держит рынок вещевой. У нас по воскресеньям на пустыре с пяти утра барахолка стихийная. Мы её, типа, не замечаем, поскольку в магазинах со снабжением не очень. Люди «Боцмана» собирают там деньги с продавцов, как бы, за торговое место.

— Ну что ж, давайте начнём с «Боцмана». Сообщите ему, что я «мент» их Москвы, но приехал по какому-то частному делу, вы не в курсе, просто сводите меня с ним, понятно?

Осведомитель назначил встречу в ресторане «Фрегат», который располагался в новом здании речного вокзала на живописном берегу Онежского озера.

В условленное время Жечков занял один из столиков полупустого в этой дневной час ресторана и в ожидании «Боцмана» заказал пиво и лёгкую закуску. В управлении ему показали фотографию осведомителя, но, когда тот вошёл в зал ресторана, Жечков его

вначале не узнал. Щуплый мужчина в чёрных солнечных очках был в компании с двумя вызывающе красивыми молоденькими спутницами. Девушки сразу сели за столик, а мужчина о чём-то заговорил с официантом.

«Если это он, то зачем привёл с собой девиц?», — подумал Жечков.

Закончив разговор с официантом, мужчина направился в его сторону. Подойдя ближе и, показывая свою сигарету в руках, он попросил прикурить.

— Я не курю, — ответил Жечков и узнал в лицо осведомителя.

— Вы кого-то ждёте? — спросил тот.

— Да, он должен был уже подойти, но, видимо, задерживается.

Больше вопросов мужчина не задавал и вернулся за столик к девушкам.

Сложилась забавная ситуация: Жечков знал «Бецмана» в лицо, в то время как осведомитель был не до конца уверен, что перед ним тот самый «мент из Москвы». Ситуация разрешилась на балконе ресторана, куда агент вышел «подышать» вслед за Жечковым.

— Так и не дождались человека? — поинтересовался тот.

— Может быть, я время перепутал. Но вроде договорились на три часа дня, — намекнул Жечков.

— Я тоже жду человека, даже девушку для него привёл, а он не проявляется, — усмехнулся мужчина.

Скрытым от посторонних глаз движением Жечков на мгновение развернул перед осведомителем красную корочку своего служебного удостоверения.

— Ну, а я — бецман, — представился тот в ответ и пригласил за свой столик.

— Зачем эти девушки? — возвращаясь в зал ресторана, спросил Жечков.

— Один я не мог прийти. Меня здесь все знают. А так всё выглядит, будто я нужному человеку подогнал тёлку. Кстати, если желаете, девушки очень приличные, не из этих. Для вас бесплатно, разумеется.

— Нет, спасибо.

— Дело ваше. Но минут десять мы должны побыть общей компанией.

Через некоторое время девушки вышли в туалет, и Жечков сразу перешёл к делу:

— Если коротко: один из ваших земляков угнал машину не у того человека. Скажем так, у меня есть свой интерес помочь этому человеку. Пока я действую как неофициальное лицо, но если машину не вернут по-хорошему, мы возьмём её по-плохому.

— Кто вам сказал, что я занимаюсь машинами?

— Вы же хорошо знаете всех местных людей.

— Ну и что? Кто из них угонщик, я понятия не имею.

— Самохина, автослесаря, вы знаете?

— Был знаком. Он уже отчалил от Петрозаводска. Вам это известно?

— Я в курсе. Но у меня есть точная наводка, что машина, которую я ищу, отстаивается у него, здесь в городе.

— В чём тогда проблема? Пойдите и заберите её.

— Он же не дурак держать её в своём гараже.

— Я понял. Тогда вам лучше к Стасу обратиться.

— К Стасу?

— Стас Бойков, кореш Самохина. Они в этих гаражах частным ремонтом вместе промышляли. Он должен знать.

— Он судим?

— Кто, Стас? Стас да, сидел, — припомнил «Боцман»

План своих дальнейших действий Жечков разработал тут же, в ресторане «Фрегат».

Вечером сотрудники местного ОБХСС перехватили возвращавшегося с работы Стаса и доставили в своё управление. Жечков — автор всей оперативной комбинации — присутствовал на допросе под видом рядового оперативника. Вначале Стаса прижали «неопровержимыми свидетельствами», обвинив его в краже запчастей со станции техобслуживания, где он работал. Затем, не сбавляя напора, оперативники заявили, что им доподлинно известно, что ворованные детали он вместе с Самохиным использовал в левом ремонте, которым они вдвоём занимались в частном гараже. Для пущей правдоподобности они сообщили ему об одном из клиентов, машина которого была использована для «контрольного» ремонта, и что все установленные на неё детали запротоколированы как ворованные. Психическая атака удалась. Стас растерялся: на станции техобслуживания, конечно, воровали и директор был в доле, но теперь, когда начали копать, всё это дело вешали на него, поскольку ранее он был судим за воровство. Уже без особой веры в собственное спасение, Стас, словно на автомате, повторял вновь и вновь, что они с Самохиным приобретали детали в магазинах.

— В каком же магазине, интересно, вы покупали распредвалы? Если ты вспомнишь адрес, я завтра же с утра туда мотанусь, — иронизировал оперативник.

— Мы его по гарантии из Тольятти получили.

— Да неужели? А судя по инвентарному номеру, он со склада вашего техцентра. Каким образом он перекочевал в частный гараж?

— У меня на него есть документы с завода, — оправдывался Стас.

— Какие у тебя могут быть документы на ворованную вещь?

В отчаянии Стас сам предложил проехаться по всем гаражам и убедиться в наличии товарных чеков и документов.

— Кто из вас двоих снимал гаражи? — как бы для общей справки, спросил Жечков.

— Я снимал.

— Сколько ты снял гаражей?

— Три.

— Зачем вам столько?

— Самохин сказал, что будем расширяться, наймём слесарей.

— В каком из гаражей хранятся детали с чеками?

— В первом.

— Тогда поехали по гаражам, покажешь нам чеки, — достигнув главной цели всей инсценировки, предложил Жечков,

В два часа ночи, когда припугнутого Стаса уже отвезли домой, Жечков вместе с Валтоненом продолжали осмотр третьего по счёту гаража. Несмотря на отсутствие в нём автомобиля, им пришлось достаточно долго изучать содержимое многочисленных ящиков и стеллажей. На первый взгляд никаких улик здесь не было, — обычный гаражный хлам. ... Пока Жечков не вскрыл очередную промасленную потрепанную коробку и не извлёк из неё большой серебристый летный шлем с забралом из чёрного плекса.

Сыщики молча посмотрели друг на друга. Никаких слов и не требовалось. Во взгляде Валтонена присутствовала плохо скрываемая, но хорошая, профессиональная зависть: всего за два дня пребывания в Карелии его коллега из Москвы настолько глубоко продвинулся в

расследовании мёртвых, казалось бы, дел. Стоя под бледной лампой гаража, Жечков держал в руках, возможно, важнейшую улику: шлем военного летчика с большой степенью вероятности мог находиться в автомобиле пропавшего прошлым летом вместе с женой майора Филиппенко. Но это ещё требовалось доказать. И, как всегда у Жечкова, сделать это надо было срочно.

В одиннадцать часов утра не выспавшийся Валтонен с большой коробкой в руках уже вылетел в Мурманск. Далее его путь лежал в Сафоново, точнее, на военный аэродром в его окрестностях, где служил майор Филиппенко.

Суровые, привыкшие скрывать свои эмоции летчики, были заметно взволнованы, когда Валтонен предъявил им для опознания серебристый шлем. Никто в части не сомневался, что супруги Филиппенко были убиты, скорее всего, из-за новой «двадцать четвёртой» «Волги», купленной буквально накануне той роковой поездки. И вот теперь следователь привёз этот шлем, словно, в подтверждение, что их боевого товарища больше нет на земле.

— Шлемы индивидуальные, но зелёной мы, конечно, фамилию на них не пишем. Просто у каждого пилота свой личный шкаф, — объяснили лётчики Валтонену.

— То есть этот шлем мог принадлежать не Филиппенко, а любому другому лётчику?

— Конечно мог. Но это — его шлем, — ответил один из сослуживцев Филиппенко.

— Как вы это определили?

— Это старая, списанная модель. В таких уже лет десять не летают. Многие их брали на память. Филиппенко, к примеру.

— Почему вы считаете, что этот шлем принадлежит именно ему, ведь вы сказали, что многие оставляли их себе на память?

— Потому что я знаю, что он повёз его в подарок своему племяннику. Я их провожал тогда в Сафоново. Он положил его на заднюю полку под стекло, а я, ещё помню, пошутил: «Что, с гаишниками собираешься махать?». А он ответил, что племянник очень просил. Вот такие дела, — грустно закончил лётчик.

— А как-то документально можно это подтвердить?

— По идее, у каждого шлема где-то должен быть заводской номер. В службе обеспечения вам это лучше объяснят.

Через час прапорщик на складе, оттянув в сторону внутреннюю прокладку шлема, выписал номер изделия и сверил его с записями в журнале учёта материальных ценностей.

— Шлем номер 52236 записан за Филиппенко, — равнодушно произнёс прапорщик, лишь три месяца служивший в части и не знавший о судьбе лётчика.

Воспользовавшись предоставленными ему военными средствами связи, Валтонен прямо из штаба авиаполка позвонил Жечкову и в двух фразах поставил точку в бессонной гонке последних полутора суток:

— Всё подтвердилось. Шлем номер 52236 принадлежал Филиппенко.

Утром 15 июня сразу после ареста Самохина авиарейсом доставили в Петрозаводск и прямиком из аэропорта привезли к гаражу на окраине города, где его ждали Жечков и Валтонен.

— Самохин, объясните, как этот предмет оказался в вашем гараже? — указав на шлем в коробке, спросил Жечков.

Еще утром проснувшийся в бодром расположении духа в далёком теперь Наро-Фоминске, Самохин понял, что отпираться бессмысленно и надо спасаться:

— Я не убивал, — взмолился он.

— Кто убивал?

— Если я признаюсь, вы зачтёте это как чистосердечное раскаяние?

— Мы учтём.

— Это Сунгоркин! Вначале речь шла о том, что нужно просто угнать машину. Когда мы оказались на месте, я ему и говорю: «как же её угнать, если в ней люди спят?». А он пошёл и убил их. Без предупреждения, поставил меня перед фактом, что теперь я соучастник.

— Где сейчас Сунгоркин?

— Сунгоркин — прошу это тоже учесть, как чистосердечное признание — сейчас занимается тем же в московской области.

— Вы вместе с ним?

— Я не убиваю, он меня привлекает потом.

— Вы можете указать места захоронения жертв?

— Здесь, в Карелии?

— Сначала здесь, потом под Москвой.

— Могу.

В распоряжении Жечкова находился вертолёт ГАИ, которым он и предложил воспользоваться, чтобы ускорить следственные действия. Однако с воздуха Самохин не узнавал мест, и вертолёт пришлось посадить на обочине шоссе и дожидаться там оперативных машин. Так, по соседству с закованным в наручники бандитом Жечкову представилась первая за всю командировку возможность оценить красоту Карелии. Он прогулялся до опушки леса и обратно, глубоко вдыхая разлитый в воздухе сосновый аромат.

Завидев вертолёт ГАИ, водители на мурманском шоссе сбрасывали скорость и высматривали по сторонам, не случилось ли здесь чего-то особенного.

Жечков стоял на обочине и энергичным жестом руки, как заправский автоинспектор, показывал водителям, чтобы они быстрее проезжали. Во всей этой истории ему, почему-то, было очень жалко того паренька из белгородской области, который так и не дождался настоящего лётного шлема. Может быть, по окончании дела передать его парню, подумал он. Или этого делать не стоит? Он не знал.

О деле Шадрина, которое и забросило его в Карелию, Жечков даже не думал. Настолько далёким и не связанным с последним эпизодом казалось оно ему теперь.

Новый резидент в Москве

— Уходим в отрыв, — приказал Грибин водителю на выходе из тоннеля под площадью Маяковского.

Водитель резко добавил газа и, маневрируя в потоке, пошёл на обгон попутных машин. Висевшая за ними на хвосте вторая «Волга», чтобы не отстать, тоже прибавила скорости и вскоре нагнала беглецов.

— Направо, к зоопарку, — крикнул Грибин, когда поворачивать уже было поздно.

Водитель резко затормозил и, послав машину в управляемый занос, развернул ее мордой на 90 градусов и таким вот образом «вписался» в поворот.

— Приготовиться к выброске, — команда Грибина касалась теперь третьего человека в салоне автомобиля, сидящего рядом с водителем молодого человека лет тридцати.

Изготовившись к планируемой «выброске», молодой человек уже держал правую руку на ручке отпорного механизма двери.

— Подрежь вот этот грузовик и нырни перед ним направо, на Зоологическую, — скомандовал Грибин.

Водитель обогнал грузовой ЗИЛ с длинным прицепом и из крайнего левого ряда резкой дугой повернул направо.

Шедшая сзади «Волга» видела манёвр преследуемой машины, но повторить его не могла: злополучный грузовик уже медленно выползал на перекрёсток, длинной кишкой своего прицепа парализуя возможность быстрого правого поворота.

Именно в эти секунды, когда преследователи замешкалась с поворотом, «Волга» Грибина резко притормозила, и из неё, даже не дожидаясь полной остановки, буквально, вылетел передний пассажир, молниеносно нырнул в арку ближайшего двора, а машина без промедления продолжила движение.

Свернув на 1-ю Брестскую, «Волга» Грибина остановилась с включённой аварийной сигнализацией. Через несколько секунд вслед за ней из-за поворота выскочила вторая машина и, увидев жёлтые мигающие фонари, припарковалась сзади. Этот условный световой сигнал означал конец экзамена.

Двое молодых курсантов вышли из задней машины и подошли к ожидавшему их на тротуаре Грибину.

— Ну, что я могу сказать, молодцы! — сказал им Грибин.

Ребята скромно улыбнулись, пытаясь скрыть радость от успешно сданного ими зачёта.

— Какие-нибудь замечания по маршруту есть? — спросил Грибин.

— Нет, нормально всё было, — ответили они.

— Нормально? — переспросил Грибин.

В ответ они утвердительно закивали.

— Вы уверены в этом? — Грибин изменил тон. Вы даже не соизволили заглянуть в салон моей машины

Только теперь курсанты заметили отсутствие в ней пассажира, но было уже поздно, и Грибин продолжал:

— Упустить объект — это не самая страшная ошибка. На ошибках учатся. А вот когда их даже не замечают, — это намного хуже. Почему вы не доложили, что при повороте на Зоологическую передняя машина была потеряна из виду?

— Это длилось несколько секунд всего, — попытались оправдаться молодые люди.

— Как видите, этого оказалось достаточно.

От радостного в начале настроения курсантов не осталось и следа.

— Почему вы не запросили помощи у второй машины на маршруте? В вашем распоряжении были две машины поддержки, одна из которых стояла как раз на Зоологической. Вы видели, что объект предпринимает агрессивные действия с целью оторваться, поэтому вы должны были передать его смежникам.

— Очень быстро всё произошло.

— В реальной обстановке счёт всегда будет идти на секунды! Несколько секунд — это вечность! Если бы вы передали смежникам эстафету, вы лишили бы противника этих драгоценных секунд.

Во время «полевого» урока по «практическим навыкам автомобильного наружного наблюдения», медленно прохаживаясь по тротуару вдоль двух служебных машин, взгляд Грибина невольно выявил какую-то деталь, которая, неожиданно, вдруг, завладела всем его вниманием.

— Что за херня? — громко и раздражённо произнёс он.

Молодые стажёры с удивлением наблюдали, как в миг потерявший к ним интерес Грибин стал ходить вокруг машин и изучать их заднюю часть.

На обеих машинах — и на разъездной оперативной, и на его генеральской — сзади, в районе личинки замка багажника, виднелись идентичные по форме пятна не отмытых при мойке участков кузова.

— Епт вашу мать! — Грибин выругался настолько громко и смачно, что проходившая мимо женщина бросила в его сторону укоряющий взгляд.

Не объясняя молодым оперативникам выявленный им прокол, Грибин ещё несколько раз крепко выругался про себя: машинная мойка, через которую проходили все (в том числе и его) автомобили имела характерный почерк, который на первый взгляд, был не особенно виден — при мойке задней части щётки чуть-чуть не дотягивались друг до друга и оставляли не промытым участок сантиметров десять в длину. Казалось бы, ерунда, но на дурачков Грибину рассчитывать не приходилось. Оставалось только гадать, сколько месяцев из-за этого пятна американцы безошибочно идентифицировали машины КГБ? Во внимательности противника он не сомневался.

Сегодняшние экзамены Грибин принимал лично, чтобы ещё раз оценить степень оперативной свободы своих американских «партнёров». Причиной проверки «боеготовности» послужили серьёзные кадровые перестановки в американском посольстве. Полгода назад в московскую резидентуру ЦРУ направило нового руководителя, 53-летнего Рональда Хэтэвея. До этого он работал в Западном Берлине, потом несколько лет провёл в главном офисе и вот, наконец, пожаловал в Москву. Знающие его по немецкому периоду утверждали, что Хэтэвей склонен к острым и опасным акциям: в 1970 году он организовал побег из Восточного Берлина американского агента в польских спецслужбах. Дело тогда дошло до стрельбы: для бегства была использована гружёная песком машина коммунальных служб. Немецкие пограничники изрешетили грузовик пулями, которые увязли в защищавшем кабину песке, а грузовик, смяв на своём пути все препятствия, выскочил в западный сектор. И эту операцию — по мнению Грибина, совершенно дубовую — спланировал Хэтэвей. Теперь этот человек вальяжно ездит по Москве, улыбается охраняющим американский жилой комплекс милиционерам, а Второе Главное Управление следит за ним как за

сумасшедшим, занятым поиском спичек.

Такой тип, как Хэтэвей, думал Грибин, вполне мог расшевелить местную резидентуру, заставив её действовать более остро. Привыкшие в Москве к плотной опеке, американцы раньше не позволяли себе игр в кошки-мышки и вели себя тихо. Однако, новый начальник мог принести с собой и новые правила. Проблема заключалась в том, что для людей Грибина эти новые правила были неведомы, в то время как Хэтэвей хорошо изучил почерк КГБ.

Причастен ли новый резидент к исчезновению семьи Шадрина? Мог ли он пойти на такую авантюру? И если ответ — да, то за кого он меня принимает? — думал Грибин, рассматривая маленькую пыльную полоску на крышке багажника.

Назначив молодым стажёрам время для пересдачи экзаменов, он нырнул на заднее сидение своей машины и быстро захлопнул дверь.

— На мойку, — скомандовал он водителю.

— Куда? — удивлённо переспросил тот.

— На мойку. Туда, где машины моют, еб-вашу-мать!

В Москву Жечков вернулся из Карелии триумфатором. Летевшего одним рейсом с ним закованного в наручники Самохина прямо у трапа встретили сотрудники КГБ, чтобы отвезти в свой следственный изолятор Лефортово, а Жечкова чуть ли не с цветами ожидал Виктор, один из прикомандированных к его группе следователей.

— У нас новая версия, — улыбнулся Виктор, не зная, как лучше преподнести новость своему руководителю.

Жечков же, напротив, не придавал значения этим словам, полагая, что речь зайдёт о каких-то малозначимых деталях.

— Выкладывай, — спокойно отреагировал он.

— У супруги Шадрина, у Марины Шадриной был любовник.

— Ну и что? У Шадрина за спиной вообще донжуанский список огромный, — равнодушно ответил Жечков.

Виктор немного помолчал, а потом сказал:

— Накануне исчезновения Шадрина, в пятницу, 16 мая Марина была на квартире у любовника.

Жечков ненадолго задумался, а потом попросил Виктора остановить машину. Он хотел, чтобы его подчинённый внимательно слушал его, а не крутил баранку.

— Почему я об этом ничего не знаю? — официальным, не допускающим панибратства тоном спросил Жечков.

— У вас в Карелии был очень плотный график, и мы решили до возвращения в Москву не грузить вас.

— Когда это стало известно?

— Три дня назад.

— Кто руководитель следственной группы?

— Вы.

— Почему вы сразу же не сообщили мне о вновь открывшихся обстоятельствах по делу?

Виктор хотел что-то сказать в своё оправдание, но передумал:

— Это моя вина. Ребята предлагали, но я решил, что не стоит беспокоить.

— Виктор, ты мой заместитель. Я должен быть уверен, что в моё отсутствие следствие

не буксует.

— Оно не буксует, — поторопился вставить Виктор

— ...А ты скрываешь от меня важнейшие детали. Я, как дурак, лечу, составляю план дальнейших действий, а теперь всё это псу под хвост.

— Извините, Геннадий Викторович, я не подумал...

— О чём ты вообще думал? — в последний раз выругался Жечков и перешёл на спокойный, деловой тон:

— Откуда эта информация о любовнике? Что, где, когда — выкладывай всё.

— Одна из её подруг, — они вместе в библиотеке работают — вычислила эту связь.

— Что значит «вычислила»?

— Они работали в технической библиотеке... — начал издали Виктор.

— Знаю, знаю, на Бережковской набережной, — торопил его Жечков.

— У этой подруги, — Елены Звонарёвой — была связь с одним из абонентов этой библиотеки. Солидный мужчина, хирург. В библиотеке знакомился с молодыми сотрудницами, возил их на квартиру, которую снял рядом, в трёх остановках от библиотеки... В обеденный перерыв забирал девушку и часам к трём уже возвращал. Ну, бабы это же видят...

— Что видят?

— Ну то, что их сослуживиц отвозили трахать.

— То есть они друг про друга всё знали?

— Ну, да, радио там сарафанное...

— И среди них была Марина Шадринина?

— Да.

— По словам Звонарёвой?

— Да.

— Не понимаю. Мы опрашивали коллег Шадриной две недели назад, и Звонарёва тогда ничего нам не сказала.

— Геннадий Викторович, я ещё не всё рассказал. Звонарёва объяснила своё молчание тем, что не могла набраться смелости, поскольку речь шла об очень интимных подробностях. Но затем, поразмыслив над исчезновением Шадриной, она сама, инициативно предложила дать по этому делу важные показания, но при условии, что ей дадут следователя — женщину.

— Вот даже как! — удивился Жечков.

— Я не буду дальше рассказывать, вы сами всё прочтёте в протоколе её допроса.

— Ни фиги себе: заинтриговал меня, понимаешь, а на самом интересном месте остановился, — нет, так не пойдёт. Давай, давай порновича — уже позволил себе шутить Жечков.

— Ну, Геннадий Викторович! — отнекивался Виктор.

— Хорошо. Ты сказал, что там все про всех знали. Про Шадрину тоже все знали?

— В том то и дело, что про это знала только Звонарёва. Я же с этого и начал: Звонарёва её вычислила или, если хотите, она их выследила. В женском коллективе Шадринина имела репутацию приличной семейной женщины, которой при живом муже-красавце не было никакой нужды мотаться в рабочее время по съёмным квартирам ради секса с малознакомым человеком.

— Однако, она моталась?

— Моталась.

— Ну что ж, придётся прочесть эту эротическую повесть, что ты мне приготовил.

ПРОТОКОЛ

допроса свидетеля

Москва, 8 июня 1980 г.

Старший следователь прокуратуры Москвы Суздальцева Софья Владимировна в помещении кабинета № 21 в здании УВД Дорогомиловского р-на Москвы в соответствии со статьёй 189 и 190 УПК РСФСР допросила по розыскному делу № 23573 в качестве свидетеля:

Фамилия, имя, отчество — Звонарёва Елена Петровна.

Дата рождения — 12.05.1953 года рождения

Семейное положение, состав семьи — замужем...

Отважная баба, отметил про себя Жечков, дойдя до последней строки. Похоже, информацию, которую она хочет сообщить следствию, она считает настолько важной, что ради этого она даже готова признаться в супружеской измене. Интересно.

Общие места допроса Жечков пробежал по диагонали, останавливаясь только на существенных моментах:

Вопрос: В этих играх он применял к вам насилие?

Ответ: Нет, не применял. Всё как бы было по взаимному согласию. Но когда он отошёл и вернулся со скальпелем в руке, я испугалась.

Вопрос: Он вас связал перед этим?

Ответ: Да, поэтому я и испугалась. Одно дело просто связать, ну, нравится некоторым такой секс, а скальпель — это уже слишком. Я даже подумала: вот он игрался со всеми, а меня зарежет по-настоящему, дура я такая...

Вопрос: Показав скальпель, он вам угрожал? Что он делал дальше?

Ответ: Он так ухмыльнулся и говорит: «теперь ты в моей власти». Я сразу поняла, что он псих нормальный и извращенец и, если он меня не зарежет, убегу от него в чём мать родила.

Вопрос: Но он вас не зарезал.

Ответ: Легко сказать! Он поднёс скальпель к моему животу, провёл им так пару раз и разрезал резинку трусов.

Вопрос: В сексуальный контакт он с вами вступал?

Ответ: Да.

Вопрос: Это было после игр со скальпелем?

Ответ: Да.

Вопрос: Откуда вам известно, что он хирург?

Ответ: В его библиотечной заявке было написано. Там и номер больницы, и адрес были, я забыла уже какие.

Вопрос: Фамилию его вы помните?

Ответ: Погосян Эрик, отчество не помню, по-моему, на А.

Вопрос: Вы считаете, что он со всеми женщинами практиковал эти игры?

Ответ: Я думаю да. Потому что у него там всё было подготовлено.

Вопрос: Откуда вам известно, что Марина Шадрина тоже была в этой квартире?

Ответ: По поводу именно квартиры я не знаю. Может, он отвозил её в другое место. Но я видела, как она садилась к нему в Жигули.

Вопрос: Это было на стоянке?

Ответ: Нет, там бы все могли увидеть. Она села к нему хитро: перешла на ту сторону, на набережную, отошла от троллейбусной остановки и подняла руку, как будто, голосует проезжающим частникам. Только она руку подняла, он тут как тут. Я думаю, она знала его машину и видела, что он подъезжает. То есть со стороны все выглядело так, что она словила частника и всё.

Вопрос: Чтобы разглядеть человека за рулём, вы должны были быть где-то рядом, но тогда и Шадрина могла вас увидеть.

Ответ: А я и была рядом. Только я стояла в троллейбусе на передней площадке. Я в тот день не работала, закрывала больничный в поликлинике и мимо нашей остановки ехала случайно. Вижу — Маринка стоит, голосует. Я даже выйти из троллейбуса хотела, чтобы поболтать. Но тут подскочили эти Жигули, и она в них села.

Вопрос: Хорошо, а как вы разглядели водителя Жигулей?

Ответ: Очень просто. Когда троллейбус тронулся, Жигули ещё стояли у обочины, мы проезжали мимо и посмотрела, кто там за рулём. Смотрю — а это он. Батюшки, думаю, и Маринка наша туда же! Это сразу было понятно, что они договорились вот таким хитрым способом встречаться. Что говорить, здорово придумано — в жизнь не догадаешься!

Вопрос: Вы утверждаете, что видели Шадрину в машине Погосяна в пятницу, 16 мая. Почему вы точно запомнили дату?

Ответ: Я же говорю, что ехала из поликлиники. 16 мая я закрывала свой больничный. Можете проверить у нашего директора, которому я сдала лист.

Вопрос: То есть вы считаете, что поездка Шадриной на этих Жигулях, с этим мужчиной как-то связаны с её исчезновением?

Ответ: С её исчезновением на следующий день. Она же пропала на следующий день? Конечно, считаю. Это очень всё подозрительно: то, как они шифровались, как скрывали свою связь. С другими девушками он не особо и церемонился. Все видели, как он сажал их в машину и как привозил обратно, и его это не волновало. А тут прям конспирация. Может быть, я, конечно, и чересчур бдительная, но вот об этом я решила рассказать.

Следователь: Вы правильно поступили. Вы помните точный адрес квартиры, куда Погосян приглашал девушек?

Ответ: Адрес я не могу назвать. Могу показать. Это крайний жёлтый дом перед Киевским вокзалом. Там ещё на первом этаже лицом к набережной магазин «Орбита». С обратной стороны второй или третий подъезд, четвёртый этаж, правая квартира.

Жечков отложил протокол и задумался. За те несколько недель, что он работал в контакте с Федосеевым, он уже успел оценить эффективность некоторых методов КГБ. Одним из них, конечно же, с санкции Федосеева он и хотел сейчас воспользоваться, а именно — тайно проникнуть в квартиру Погосяна. И чем быстрее, тем лучше.

Телефонный звонок Федосеева (Грибина) заставил Жечкова призадуматься.

— Что у тебя там? Какой-то любовник Шадринной объявился? — спросил генерал.

— Это пока непроверенная информация. Сейчас по ней работаем, — ответил Жечков, понявший сразу, что кто-то из его следователей регулярно информирует КГБ о ходе расследования.

Не удивительно, подумал он, ведь людей он не выбирал, — ему их дали. Должно быть, кто-то из них, а, может, и все они, были должным образом проинструктированы на Лубянке. С этим Жечков ничего не мог поделать. Но раз так, решил он, пусть тогда Федосеев и займётся разработкой любовника Шадринной.

— Я как раз хотел попросить у вас помощи, — продолжил телефонный разговор Жечков. Мы, конечно, и сами найдём этого Погосьянца — свидетель утверждает, что так его зовут, — но при ваших оперативных возможностях...

— Поможем, не беспокойся, — с полуслова понял его Грибин. Этого хирурга, я думаю, мы сегодня-завтра раскрутим.

— Я не уверен, что он хирург. Скорее — сексуальный мошенник.

— Или половой гангстер, — засмеялся Грибин.

Спустя несколько часов после этого разговора неприметный сотрудник Второго Главка уже работал с картотекой абонентов Технической библиотеки на Бережковской набережной. Читателя по фамилии Погосьянец он там не обнаружил, а уточнить было не у кого: на контакт со Звонарёвой у него не было санкции. Однако, она сама подошла к нему в коридоре:

— Простите, что вмешиваюсь. Вы не из милиции?

— Да, — соврал он.

— А, случайно, не по моему делу? Точнее, не по делу... Я давала показания на одного из наших абонентов.

— Напомните мне его фамилию, — деловито предложил он.

Звонарёва поняла, что не к месту проявила инициативу. Ведь она не знала, что за человек перед ней и зачем он роется в картотеке.

— А удостоверение вы можете показать, — скромно попросила она.

— Удостоверение? — рассмеялся мужчина. Мы их предъявляем только по делу. Сейчас в этом необходимости нет.

— Ну, тогда извините, — замкнулась она.

— Так Погосян или Погосьянец? — резко спросил он, сняв все её вопросы.

— Погосьянец Эрик.

— Я такого не нашёл.

— Пойдёмте, я вам покажу, — повела его обратно в картотеку Звонарёва.

К её немалому удивлению, карточки с такой фамилией там, действительно не оказалось. Тогда она пошла другим путём: одну из заказанных им книг она хорошо помнила, — это было немецкое научное издание, посвящённое новым технологиям в изготовлении хирургических инструментов. Книга нашлась быстро, и в прилагаемом к ней специальном формуляре Звонарёва нашла и официальный запрос, выданный 61-й городской

больницей на имя Эрика Погосьянца.

Вечером того же оборотистый оперативник, посетив отдел кадров 61-й больницы и получив выписку в паспортном столе, получил на Погосьянца все установочные данные.

По указанному свидетелем адресу на Бережковской набережной, действительно, оказалась съёмная квартира, в которую арендатор по свидетельству жильцов частенько приводил женщин.

Проникновение в эту любовную обитель решено было произвести днём, когда хозяин находился на работе.

Мероприятие началось со звонка «сантехника» в соседнюю дверь, так как в ней был смотровой глазок. На звонок никто не ответил, но поскольку у бригады наружников была информация, что днём в этой квартире находится престарелая женщина, которая из любопытства может прильнуть к глазку двери, «сантехник» стал громко стучать в дверь:

— Откройте, а то мы сейчас всем стояк перекроем!

Через закрытую дверь послышался голос старушки:

— А что случилось?

— Что случилось — потоп случился! Ищем, где прорыв.

— У нас ничего не течёт, — испуганно сказала бабушка.

— Открывайте уже! Что я вас, убью, что ли? Нахер ты мне сдалась! Мне стояк проверить надо!

Бабушка приоткрыла дверь, держа её пока на цепочке. «Сантехник» показался ей настоящим: у него была грязная спецовка, черный промасленный ящик с инструментом и вёл он себя шумно и вызывающе, — грабитель так никогда бы не поступил, решила она ипустила его.

Деловитой походкой он прошёл в туалет и принялся за изучение труб. Бабушка за его спиной продолжала причитать, что у них не течёт.

— Да вы, бабуля, и не увидите. Бывает, течёт прямо по трубе вниз. На полу всё сухо, а внизу потоп. Не нравятся мне ваши трубы. Старые и потеют они сильно.

— Потеют? — переспросила старушка.

«Сантехник» принялся читать ей лекцию о том, насколько опасен конденсат на трубах.

К этому моменту негласный вход в соседнюю квартиру был уже осуществлён.

Уходя, «сантехник» предупредил старушку, что после устранения течи он ещё раз зайдёт к ней, чтобы проверить герметичность системы.

— Да, да, конечно, проверяйте. Я целый день дома, — успокоилась бабушка.

В квартире Погосьянца было обнаружено два примитивных тайника. Со стороны задней стенки холодильника в нишу компрессора была вложена стопка сторублёвых купюр в целлофановом пакете, а в батарейном отсеке двухкассетного японского магнитофона находились несколько катушек проявленных негативов. Связавшись по рации с коллегами, плёнки аккуратно выбросили в окно, где их так же аккуратно подобрали и немедленно увезли на копирование.

К трём часа дня, когда негативы вернулись в свой тайник, осмотр квартиры был закончен, а «сантехник», как и обещал, еще раз позвонил в дверь к соседке. Во второй раз бабушкапустила его, как родного, — следопыты Грибина тихо покинули лестничную клетку.

Как и предполагал Грибин, на отпечатанных с негативов фотографиях в самых откровенных позах красовались любовницы Погосьянца. Большинство снимков было сделано в квартире и лишь некоторые на природе. Просматривая по порядку фотографии и, невольно оценивая сексуальную привлекательность некоторых девиц, Грибин, наконец, наткнулся на серию снимков с изображением Шадринной.

Фотографии произвели на него мрачное впечатление. На одном из снимков мужчина, лицо которого не попало в кадр, держал Шадрину за волосы, запрокинув ей голову и приставив к её горлу нож. На другой фотографии она предстала уже с петлёй на шее, причём, судя по выверту её головы, верёвка была натянута достаточно туго. Остальные снимки так или иначе варьировали тему смерти от ножевого удара или удушения: пакет на голове, нож, приставленный к спине, босые ноги на табуретке...

Судя по выражению лица жертвы, фотографии носили имитационный, игровой характер. Но кто знает, чем иногда заканчиваются игры? Однако, самое тревожное заключалось в другом: эти фотографии, без сомнения, могли быть с успехом использованы для шантажа Марины, а в роли шантажиста мог выступить вовсе не Погосьянец, а более опытный игрок. Конечной целью возможного шантажа являлся, конечно, сам Шадрин. Грибин быстро нарисовал в своём профессиональном воображении одну из реальных схем шантажа: скомпрометировав Марину, у противника появлялась возможность воздействовать на самого Шадрина. Ему могли угрожать оглаской порочных связей Марины, что, по замыслу шантажистов, поставило бы его на грань увольнения из КГБ. По своему опыту Грибин знал, насколько часто ЦРУ в своих оперативных комбинациях прибегало к этому приёму. Хорошо изучив бдительную кадровую политику советских органов госбезопасности, американцы при вербовке разыгрывали простой психологический этюд, построенный на том, что для многих попавших в затруднительное положение молодых офицеров страх быть уволенным из Комитета порой заглушал все остальные страхи. Неужели так просто им удалось склонить Шадрина к измене? Почему нет? В 34 года он был майором, заместителем одного из самых важных отделов, так что страх резкого обрушения карьеры мог сыграть свою роль.

Однако, некоторые детали никак не укладывались в эту схему. Во-первых, сами плёнки. Если допустить, что Погосьянец работал по заданию условного дяди Сэма, то эти негативы хранились бы другими людьми и в другом, более надёжном месте, чем магнитофон в его квартире. Это очевидно. Быть может, это был не профессиональный, а личный, самопальный шантаж Погосьянца? В чём тогда его смысл, если допустить, что его инициатор действовал, дай Бог, в одиночку? И в эту секунду другая мысль пронзила Грибина. А что, если это не все фотографии? Передав заказчику основной массив материалов, Погосьянец мог просто утаить часть плёнок, оставить их себе на память. С этой версией тоже придётся считаться, подумал Грибин, решив, что на данном этапе о найденных уликах ставить в известность Жечкова не целесообразно. Пока сохраняется вероятность, что Погосьянец мог быть задействован в операции одной из зарубежных разведок, гражданскому следователю об этом знать не стоит. Пусть каждый роет под хирурга со своей стороны, решил он и распорядился соединить его с Жечковым.

— По большому счёту, ничего особенного не обнаружили, — поделился результатами

осмотра квартиры Грибин. Я имею ввиду каких-то следов пребывания там Шадриной. Проверили всё. Нашли загошки в холодильнике с деньгами и всё. И, вообще говоря, у нас есть большие сомнения в правдивости показаний этой Звонарёвой.

— Какой ей смысл наговаривать? — спросил Жечков.

— Ну, баба, что с неё взять.

— Своими показаниями она больше себя скомпрометировала, чем Шадрину.

— Может быть. Но есть вероятность, что у неё, мягко говоря, очень буйная фантазия.

— Я разберусь с этим.

— Хорошо, хорошо, я не вмешиваюсь. Только одна просьба: любые действия в отношении этого Погосьянца лучше вначале согласовывать с нами.

— Если не секрет, чем это вызвано?

— Не секрет. У него какая-то «лапа» наверху, и лишний раз, без веских оснований его не стоит трогать. Тем более, сейчас, когда всё, по сути, строится лишь на субъективных показаниях этой Звонарёвой.

— Должен ли я это понимать, как вето на расследование версии с любовником Шадриной?

— Нет, нет, что ты. Действуй по своему плану. Но с учётом моей просьбы.

Разговор оставил у Жечкова неприятный осадок. Чекисты скрывали от него часть своих тайн, в то время как для них работа его бригады была полностью прозрачной. Вдобавок, у него появилось устойчивое ощущение, что сам он является приводным механизмом машины Федосеева. Именно Федосеев подкинул ему версию с дорожными убийцами, теперь он в нужном русле направляет ход его расследования по любовнику Шадриной. Кто я в глазах Федосеева? — спросил себя Жечков. Послушный молодой исполнитель, провинциал, без году неделя в Москве. Не эти ли качества были решающими в выборе Федосеевым моей кандидатуры? (в том, что его назначение согласовывалось в КГБ, он не сомневался).

Нет, понимание «своего места» вовсе не ущемляло его достоинства. Он понимал, что так устроена жизнь, сложившаяся иерархия государственных ведомств и прочее. Просто он потерял кураж, даже больше, — потерял всякий интерес к расследованию дела Шадрина. Дело Самохина и Сунгоркина, по его мнению, следовало выделить в отдельное производство, а эпизодом с любовником жены офицера КГБ, наверняка, займётся контрразведка. Что же оставалось ему? Розыскное дело семьи Шадриных, в котором он не продвинулся ни на миллиметр?

Наверное, эта хандра и подтолкнула его форсировать разработку Погосьянца без оглядки на Федосеева.

* * *

— У Погосьянца сейчас плановая операция, но он вот-вот должен освободиться, — повесив трубку телефона, проинформировал Жечкова заместитель главврача 61-й больницы.

— Простите за любопытство, это что-то серьёзное? — спросил врач-администратор.

— Нет, просто необходимо уточнить некоторую информацию, — дежурно ответил Жечков.

— Эрик — наш лучший хирург. Вы знаете, ему предлагали перейти в «кремлёвку», там и рост, и оклады намного выше, а он остался с нами, — выдал краткую характеристику

своему подчинённому зам главного врача.

Дверь в кабинет распахнулась, и в комнату вошёл высокий мужчина в белом халате, 40–45 лет, кавказской внешности с большой залысиной на голове.

— Эрик Вартанович, к вам гости. Так что, оставляю вас наедине, — сказал зам и быстро покинул ординаторскую.

Погосьянц устало опустился в кресло и закурил сигарету.

— Здравствуйте, вы по какому вопросу? — спросил он, приняв Жечкова за очередного просителя.

— Я следователь, — Жечков предъявил своё удостоверение.

— Очень приятно, а я хирург — театрально протянув свои руки, спокойно ответил Погосьянц.

— По какому адресу вы прописаны?

— Очаково, улица Metallургов, шесть.

— А фактически проживаете?

— Там же.

— Съёмного жилья у вас нет?

— Зачем мне это?

— Квартиру вы когда-нибудь снимали в Москве?

— Когда студентом был, снимал комнату. А что случилось-то?

— У вас есть автомобиль?

— И даже прав нет.

— То есть, машины у вас нет, и вы никогда не управляли ей?

— Ну, сделал пару кругов по полю на машине брата, — улыбнулся врач.

— Какая модель машины у вашего брата?

— Сурен опять что-то натворил?

— Вы не ответили на вопрос.

— А я должен отвечать на вопросы? Насколько я понимаю, у нас неформальный разговор, без протокола.

— Ради Бога, если вы хотите под протокол, моя служебная машина у входа, и мы можем поехать в прокуратуру. Как пожелаете.

— Вы можете объяснить, что случилось? — повторил вопрос Погосьянц.

— Вы знакомы с этой женщиной? — Жечков положил на стол фотографию Звонарёвой.

— Понятия не имею.

— А с этой женщиной? — предъявив снимок Шадриной, Жечков внимательно следил за реакцией Погосьянца.

Врач долго смотрел на фотографию, но Жечкову показалось, что он даже не пытается вспомнить, а, скорее, раздумывает над тем, чтобы всё это могло значить.

— Эту женщину тоже первый раз вижу, — отложив фото, устало сказал он.

— Если это ваш окончательный ответ, я вынужден буду провести очную ставку. Вам это надо?

— Чёрт возьми, да объясните же, наконец, в чём дело?

— Когда вы в последний раз были в Технической библиотеке на Бережковской набережной?

— Точно не помню, в январе или феврале.

— Странно, что вы не помните эту женщину, — он вновь показал ей фото Звонарёвой.

— Не помню.

— А вот она вас помнит.

— Что вы имеете в виду?

— Она выдавала вам книги и знает вас по имени.

— Понятия о ней не имею.

— Эрик, не знаю, как вас по отчеству, нам придётся проехаться. Я думаю, это не займёт много времени.

— Так обычно арестовывают, да?

— Примерно так, но вам опасаться нечего. Я вам обещаю.

Когда служебная «Волга» Жечкова покинула двор больницы, вслед за ней выехала еще одна машина, которая на всём протяжении улицы Лобачевского держалась сзади.

— Остановись здесь, — попросил Жечков водителя.

Погосьянц удивлённо посмотрел по сторонам, пытаясь понять причину остановки.

Шедшая сзади «Волга», не сбавляя скорости, проследовала мимо и удалилась вместе с потоком.

Выждав несколько фаз ближайшего светофора, Жечков дал команду трогаться.

Войдя в здание Технической библиотеки, Жечков оставил Погосьянца в фойе, а сам отправился к Звонарёвой.

— Это не он! — заявила она, когда увидела из укрытия приведённого к ней на опознание мужчину. Тот был невысокого роста и моложе лет на десять. Хотя что-то общее у них есть.

— А этого мужчину вы видели прежде? — спросил Жечков.

— Нет.

— 16 мая за рулём Жигулей был тот, который моложе или этот?

— Конечно, тот.

— Книги тоже брал тот же, который с Жигулями?

— Вы меня совсем запутали этими «тот — этот». Я знаю одного человека — Эрика Погосьянца, а этого вижу в первый раз.

— Ну, вот видите, как и обещал, это заняло совсем немного времени, — Жечков увлёк за локоть Погосьянца к выходу из библиотеки.

— Ничего не понял, — резюмировал происходящее Погосьянц, для которого цель этой поездки осталась загадкой.

— Забудьте, — уже в салоне машины успокоил его Жечков.

— Вы так и не объяснили, что всё это значит?

— Ваш брат, Сурен, такого же роста, как и вы?

— Метр шестьдесят девять.

— Он ваш младший брат?

— Да, ему только тридцать пять. Он, что, попал в беду?

— Нет, я просто интересуюсь.

На въезде во двор больницы Жечков вновь заметил, что за ними следует та самая чёрная «Волга». Впрочем, это было не важно, ведь его персональный водитель Алексей относился к тому же ведомству.

— Эрик, у вас бывали когда-нибудь врачебные ошибки? — напоследок спросил Жечков.

— У кого их не было?

— Вот и вы простите меня за доставленное неудобство, — на прощание он протянул ему руку.

— Да, я совсем забыл — окликнул он уже уходящего Погосьянца, — на всякий случай, скажите, как можно найти вашего брата?

Нулевой километр

Вторая бригада следователей — Жечков разбил группу на пять бригад — выследила Погосьянца-младшего на квартире его дяди. Действуя по инструкции руководителя, они провели жёсткое задержание, словно речь шла об опасном преступнике. По дороге ему дали понять, что он обвиняется в изнасиловании и тут же устроили очную ставку с жертвой — Звонарёвой. Та опознала в нём человека, который вступал с ней в половую связь. На этом её роль закончилась. Погосьянец, разумеется, утверждал, что никакого изнасилования не было, и всё было добровольно. Тогда Жечков добавил ужаса, намекнув задержанному, что тот будет проверен на причастность ещё к трём случаям жестоких изнасилований и убийств.

— Зачем ты изучал книги по хирургии и интересовался инструментами? Учился разделять трупы?

— Я никого не убивал — заплакал Погосьянец

— Так все говорят. Хочешь, чтобы тебе поверили, — выкладывай всё.

— Мне нечего скрывать. Я ничего не совершал.

— Кого из сотрудниц библиотеки, кроме Звонарёвой, ты еще изнасиловал?

— Я их не насиловал! Я приглашал их в ресторан «Хрустальный», на Дорогомиловке, а на обратном пути предлагал выпить чашечку кофе.

— В съемной квартире?

— Да.

— Они соглашались, хотя дураку было ясно, что мне от них надо. Но, видимо, им от меня того же надо было. Сексом мы занимались быстро, не больше часа, после чего отвозил их обратно на работу.

— Вы утверждаете, что не применяли к ним насилия?

— Никакого.

Тогда Жечков познакомил его с выдержками (разумеется, выдернутыми из контекста) показаний Звонарёвой:

— «Вернулся со скальпелем», заявил «теперь ты в моей власти», «провёл лезвием по животу» — это, по-твоему, добровольный половой акт?

— Да, это всё было. Я признаюсь, да, связывал их. Я так уже привык, всех своих девушек я связываю, — только так я могу получить удовлетворение. Если девушка отказывается, я понимаю, что это не моё, и мы расходимся. Многие меня считали психом и разрывали отношения, но я никому не угрожал.

— Где ты работаешь?

— Ночным сторожем на складе.

— Почему же тебя интересовали книги по разделке трупов?

— Да я их даже не читал! Выбрал случайно, поскольку я изображал из себя хирурга.

— Зачем это было надо — изображать хирурга?

— Мой брат — хирург, а я воспользовался его пропуском в библиотеку.

— Это нам известно, я спрашиваю, зачем это было надо?

— Чтобы лучше знакомиться с женщинами. Если ты — никто или сторож, как я, с тобой никто не пойдёт. А на хирурга девушки хорошо клюют.

— То есть весь твой интерес был в соблазнении женщин?

— Да, а что тут такого?

— Погосьянц, время — двенадцать часов ночи, а ты всё морочишь мне голову. Ты любил женщин и для этого специально снял квартиру, чтобы туда их завлекать, так?

— Так.

— А теперь объясни, почему тебя не интересовали другие женщины, кроме тех, кто работал в библиотеке? Но прежде, чем отвечать на этот вопрос, учти, что судьба твоя сейчас висит на волоске. Скрыв от следствия любую, самую мелкую деталь, ты рискуешь стать тем человеком, на которого повесят три трупа.

— Ничего я не скрываю.

— Чем был вызван такой выборочный сексуальный интерес к сотрудницам библиотеки?

— Меня попросили, — выдавил он и запнулся.

— Кто и о чём попросил?

Можно мне выпить воды? — разволновавшись, попросил Погосьянц.

Жечков распорядился снять с «арестованного» наручники и принести воды.

— Это долгая история.

— Ничего, у нас вся ночь впереди.

— У меня есть приятель, Паша его зовут, мы с ним вместе фарцевали у магазина «Олимп». И я ему был должен полторы тысячи. В общем, такая история вышла: эти деньги я занял у него под покупку товара, а после реализации собирался вернуть долг. И тут мою квартиру ограбили, и весь товар вынесли. Ну, хрен знает, может, это он сам и подстроил, но я-то по-любому попал. Товара нет, долг висит — хоть вешайся. Я ему, конечно, обещал вернуть деньги в самое ближайшее время, но как это сделать, понятия не имел. И тогда он сам ко мне подошёл и спросил, не хочу ли я подзаработать, чтобы, значит, часть долга погасить. Ясное дело, я согласился, и он свёл меня с человеком, который готов был заплатить мне тысячу за одно дельце. Ну, думаю, точно криминал. Отказываться не буду, но и исполнять тоже не стану. Главное, думаю, отсрочить срок выплаты.

— Что это был за человек? Он как-то представился?

— Герман и всё.

— Что за дело предложил Герман?

— Сказал, что дело плёвое, как раз по моей первой специальности. Паша ему, видимо, наплёл про меня.

— По какой специальности?

— По бабам.

— Большой спец?

— Можете смеяться, но в этом вопросе тоже талант требуется.

— Дальше.

— Короче, в библиотеке в этой работала баба, у которой муж барыга по автозапчастям. Со слов Германа он был подпольным миллионером: вагонами из Тольятти гнал дефицитные детали и толкал их на станции техобслуживания

— Что от вас требовалось?

— Поиметь его жену, библиотекаршу эту, с последствиями.

— В смысле?

— Ну, под камеру, чтобы компромат был. А дальше, значит, этот Герман хотел каким-то образом прижать этого барыгу, не знаю, так он мне объяснил.

— И ты согласился?

— А какой здесь криминал? Я даже подумал, что легко отделался. Мне бабу разложить

как подстилку на пляже.

— Фамилия этой женщины?

— Жены барыги? Шадрина, Марина.

Жечков, словно, впервые слыша эту фамилию, переспросил:

— Как? Шарина?

— Шадрина. Марина Шадрина, — отчётливо выговорил Погосьянц.

Жечков выложил перед ним фотографий нескольких женщин и спросил, может ли он её опознать среди них.

— Она, — взяв со стола фотографию Шадриной, уверенно ответил он.

— Продолжай.

— А что продолжать? Дело своё нехитрое я сделал. Заработанные мной деньги Герман передал Паше в счёт долга.

— Значит, вы её скомпрометировали?

— Ну да.

— Каким образом?

— Герман дал мне таблеток каких-то, чтобы я подмешал ей в шампанское. Она и отрубилась, да так, что потом ничего не помнила.

— В чём заключался компромат?

— Поснимал на фото в разных, так сказать, ипостасях.

— И передал эти фото Герману?

— Да, это было условие получение денег.

— Что именно ты передал Герману? Плёнку? Фотоаппарат?

— Плёнку.

— Когда это произошло?

— В декабре прошлого года.

— А дальше? Ты с ней встречался потом?

— Один только раз, в прошлом месяце она сама позвонила и попросила перевезти на машине вещи с квартиры матери. Ну, я ей помог.

— Когда это было? Точное чисто помнишь?

— Где-то в середине мая.

— Куда вы ездили?

— В Медведково, а потом к ней в Ясенево.

— Какие вещи перевозили?

— А никаких. Я так и не понял, зачем мотался.

— В тот день, когда ты перевозил её вещи, где и как вы встретились?

— Я подъехал к библиотеке, она меня уже ждала там.

— Где именно?

— На автобусной остановке.

— На какой стороне улицы?

— Со стороны реки, в сторону киевского вокзала.

— Она стояла прямо на остановке?

— Я не помню. Нет, чуть подалее, там, где машины ловят.

— Как она была одета?

— Вроде юбка в клетку и блузка на ней были.

Допрос прервал телефонный звонок. Услышав в трубке голос Федосеева, Геннадий

посмотрел на часы, — была половина первого ночи. Значит, он знает, что я всё ещё на работе, отметил про себя он. Ничего хорошего такой звонок не предвещал.

— Геннадий, мы же договорились — начал Федосеев, — что с Погосьянцем будем действовать согласованно.

— Но мы не договорились, с каким именно. 16 мая Шадрину отвозил с работы на своей машине Погосьянец — младший. Сейчас он у меня.

— Вот этого делать не стоило, — упрекнул его Федосеев.

— Он был последним, кто видел Шадрину, и у меня не было никаких оснований медлить с его поисками.

— Всё понимаю, но ты поторопился с задержанием.

— Анатолий Петрович, если я мешаюсь под ногами, то могу отойти в сторонку. Тем более, у меня сейчас дел невпроворот по Самохину и Сунгоркину. Там предстоит еще тела искать.

— Не заводись. Не могу тебе по телефону многого сказать, но этого парня, который сейчас у тебя, мы забираем.

— Как забираете? — удивился Жечков.

В этот момент, словно, по команде, в кабинет вежливо постучали и сразу же вошли двое мужчин среднего возраста и средней внешности в серых костюмах.

— Вы говорили с Анатолием Петровичем?

— Да, говорил.

В общем-то, Жечков понимал, что выйдя на след Германа, он залезал в чужой огород. И реакция Федосеева не заставила себя ждать. Всё в этом деле было утыкано красными флажками, переходить за которые не рекомендовалось. Геннадия это бесило, он не раз хотел поставить вопрос ребром: либо мы, без дураков, ищем пропавших людей, либо играем во все эти игры. Пока происходило второе.

— Не отдавайте меня! — наивно попросил Сурен. Вы же верите, что я никого не насиловал и не убивал? — обратился он к Геннадию.

— Хотелось бы верить.

— Клянусь Богом!

— Не беспокойся, они тебя отпустят, — сказал на прощание Жечков, после чего люди Федосеева вывели задержанного из кабинета.

Жечков сложил документы в сейф, потушил свет и вышел. Последняя, чуть ли не единственная внятная версия не подтвердилась, и он снова оказался у нулевой отметки.

«Провались они все пропадом!», — захлопнув дверь, в сердцах бросил он.

* * *

С Самохина сняли наручники, чтобы он показал, как именно он разбрасывал на дорогу саморезы. Следственный эксперимент проводился в движении по минскому шоссе, поэтому вместо саморезов ему дали горсть пластиковых зубочисток. Повторяя свои действия, он опустил переднее пассажирское стекло, высунул наружу руку и, заведя её вверх, высыпал над крышей разноцветные палочки. Оперативники из следовавшей сзади машины зафиксировали, как увлечённые воздушным потоком, они шлейфом стелились вдоль колеи движения.

— Раскидали, дальше что? — спросил Жечков, пока его сотрудники вновь одевали наручники на Самохина.

— Дальше смотрели в зеркало. Если задняя машина резко теряла скорость, мы притормаживали, тушили фары и съезжали на обочину.

У столбика с отметкой «65-й км» Жечков попросил остановить машину.

— Это здесь было?

— Чуть подальше, за вывеской «лесничество».

— На каком расстоянии вы останавливались от той машины?

— В километре где-то, не больше.

Жечков по рации попросил заднюю машину держать дистанцию в несколько сот метров, после чего движение возобновилось. Проехали большой щит с надписью «лесничество».

— Вот здесь, в начале спуска мы разбросали шурупы.

— И начали наблюдать в зеркала?

— Да. Смотрим, она встала на обочину. Мы съехали до конца спуска и вот где-то здесь тоже встали.

Оперативная машина остановилась. Второй, выполнявший роль «жертвы», автомобиль занял позицию в нескольких сотнях метров сзади. Самохина вывели на обочину.

— Что вы делали дальше? — продолжил эксперимент Жечков.

— Сунгоркин по опушке шёл к той машине.

— А вы?

— Я оставался на месте.

— То есть, он шёл один?

— Да.

— Как Сунгоркин поступал с телами жертв?

— Он их закапывал.

— Один?

— Да.

— Сколько же на это у него уходило времени?

— Точно не могу сказать.

— И всё это время, пока он избавлялся от трупа, машина пострадавшего стояла на обочине?

— Да.

— Хорошо. Оставаясь здесь, как вы понимали, что дело кончено?

— Сунгоркин проезжал мимо на этой машине и мигал мне. Я трогался и ехал следом.

— То есть, всё делал один Сунгоркин? В таком случае непонятно, зачем вы ему были нужны. Как вы это объясните?

— На две машины нужны два водителя.

— Только из-за этого?

— Да.

— Точное место захоронения вы можете сейчас указать?

— Вряд ли. Где-то в этих лесах. Тут и днём особых ориентиров нет. А в темноте и подавно.

— Как далеко от дороги вы закапывали их?

— Ну, вглубь леса, может, метров сто, — сказал Самохин, прежде, чем спохватился. Это

Сунгоркин мне так говорил. Меня там не было.

Жечков лишний раз убедился, что Самохин лжёт.

На следующий день следственный эксперимент повторился, но уже с Сунгоркиным. В отличие от своего подельника, тот указал место нападения на несколько километров дальше, в районе 69-го километра в сторону области.

— Итак, вы заметили, что машина сзади, предположительно, проколола колёса. Ваши дальнейшие действия?

— Мы разворачивались обратно в сторону Москвы, проверяли эту машину...

— Проверяли — это как?

— Проезжая мимо, смотрели, нет ли там посторонних.

— Дальше.

— Потом, проехав обратно километра два, снова разворачивались и заходили, как-бы с тылу, присматривая место, где можно спрятать нашу машину. Потом шли лесом.

— Пойдёмте, — сказал Жечков, предлагая Сунгоркину повторить весь свой маршрут.

— Но мы далеко шли по лесу. Метров пятьдесят от дороги.

Группа в составе Жечкова, Сунгоркина и пятерых оперативников углубилась в лес и пошла вдоль дороги.

— Почему вы так глубоко углублялись в лес?

— А ближе тут ссут часто.

Пройдя по лесу пару сотен метров, они вышли к заранее припаркованным там Жигулям, рядом с которыми стоял изображающий жертву сотрудник. Затем Сунгоркин подвёл всех к кромке леса.

— До машины тут метров двадцать и идти через овраг, поэтому незаметно подкрасться не удалось.

— Вы спустились в овраг, — констатировал Жечков, вместе с Сунгоркиным повторяя его путь к Жигулям.

— Я пошёл через овраг напрямик к машине, а Лёха метрах в тридцати, чтобы зайти сзади.

Когда я поднялся на обочину, он на меня уже смотрел.

— Он вас заметил?

— Да.

— Где он стоял?

— У багажника, он что-то там доставал.

Сотрудник-жертва встал у багажника.

— Вы сразу на него напали?

— Нет. Я вначале спросил, не нужна ли ему какая-то помощь.

— Что он ответил?

— Ничего. Он сразу догадался.

— Он сопротивлялся?

— Не, ему Лёха сзади по башке монтировкой и всё. У него же всё внимание на меня, Лёху он даже не видел.

— Лёха — это Самохин? Он бил?

— Да.

— А ваша функция в чём заключалась?

— На подстраховке. Ну и как второй водитель.

Жечков ещё задавал вопросы, а диктофон прилежно всё фиксировал, но внутри у него начало расти тошнотворное чувство мерзости от исполняемой им работы. Ему самому, вдруг, захотелось забить до смерти этого Сунгоркина с Самохиным, закопать их здесь же и со спокойным сердцем вернуться в Москву, уютно поужинать с женой, выпить вина.

Место захоронения трупа Сунгоркин, естественно, не помнил.

* * *

Нить, ведущая к «Герману», а от него к заказчикам шантажа Шадриной, оборвалась так же внезапно, как и возникла. Представившийся Погосьянцу под именем «Герман» Илья Борисович Тернавский пять месяцев назад «эмигрировал в Израиль» и в настоящий момент находился в Вене в ожидании американской визы. За ним, конечно, наблюдали в Австрии, но с оперативной точки зрения этот игрок уже покинул поле.

Раскрыть с наскока тайну исчезновения Шадрина не получилось. Благодаря целому ряду мероприятий, Грибину удалось представить криминальную версию в качестве доминирующей, но не более того. Теперь, когда следователи всей московской области были ориентированы на поиски автомобиля и останков семьи Шадриных, — а это могло занять годы — генерал смог, наконец, приступить к выявлению возможных связей «пропавшего» с оперативными сотрудниками московских резидентур. То есть, заняться своими прямыми обязанностями.

Грибин затребовал в Девятом Управлении все журналы наружного наблюдения с 16 декабря 1979 по 19 мая 1980 включительно. Генералу Сарычеву, заместителю руководителя «Девятки» это сразу не понравилось:

— Скажи, что, конкретно, тебя интересует, и мы найдём. Зачем эти проверки устраивать?

— Меня всё интересует, — не поддался Грибин.

Поняв, что начальник контрразведки настроен решительно, Сарычев поручил своему заму подготовить все запрашиваемые материалы.

— Еще нам нужен отдельный кабинет, — дополнил Грибин.

— Я смотрю, вы к нам надолго перебираетесь?

— Как пойдёт.

В выделенном кабинете на стене висела кумачовая Доска Почёта, на которую вместо передовиков производства были вклеены фотографии девяти установленных среди сотрудников посольства США оперативников ЦРУ. Рональд Хэтэвей, как и подобает руководителю, был помещён на самый верх доски, все рядовые сотрудники находились ниже своего шефа. Все на фотографиях улыбались, словно подначивали старика Грибина.

Полковник Немечек, заместитель Сарычева, выложил перед Грибиным пять сшитых томов папок.

— Сколько здесь приблизительно рапортов? — спросил Грибин.

— В день у нас в среднем бригады сдают по двадцать-тридцать рапортов. В месяц это около семисот, получается три с половиной тысячи.

— Многовато, — взвешивая в уме массив информации, задумался Грибин.

— Может быть, имеет смысл сконцентрироваться на какой-то локальной дате? —

предложил полковник.

— Эту дату я как раз и ищу. Она должна находиться в отрезке времени декабрь-май.

— Если ограничиться только оперативниками, тогда рапортов будет намного меньше.

— Пожалуй, да, меня интересуют только эти ребята, — Грибин кивнул в сторону «доски почёта».

— Они у нас под плотным колпаком, — похвалился полковник.

— Не уверен в этом. Иначе бы не пришёл.

— Пожалуйста, проверяйте, — указал на пухлые папки полковник.

— С завтрашнего дня на постоянной основе, здесь, с трёх часов дня я хочу проводить опросы всех, без исключения, бригад наружников. Один день — одна бригада. Обеспечьте, пожалуйста, — генеральским тоном распорядился Грибин.

* * *

Военные, как всегда, всё напутали. Когда водитель Юра привёз Жечкова в район 65-го километра минского шоссе, цепь солдат уже была выставлена, но не на той стороне дороги.

— Всё хорошо, но нас интересует лес с противоположной стороны дороги, — расстроил капитана Геннадий.

Капитан тяжело вздохнул: для трёх сотен солдат перебежать шоссе с интенсивным движением представлялось рискованной операцией. Поэтому солдат снова погрузили в грузовики, и они тронулись в путь в поисках ближайшего разворота.

Цепь из трёхсот солдат с дистанцией в пять метров обеспечивала надёжное прочёсывание фронта в полтора километра. Затем, внахлест, цепь смещалась на один километр в сторону области. Солдатам была поставлена задача докладывать о любых подозрительных местах с нарушенным слоём почвы.

Зеленые человечки углубились в лес, и Жечков задумался, стоит ли ему ждать результатов прочёсывания? За всю его служебную практику он не мог припомнить ни одного случая, когда прочёсывание дало бы хоть какие-то результаты. Так было и на этот раз, хотя и не обошлось без курьезов. Так, найденные в районе 68-го километра крупные костные останки, вначале были идентифицированы как человеческие, и об этой находке даже было доложено в КГБ. Однако, привлеченные позже к опознанию останков судмедэксперты опровергли выводы своих предшественников, установив, что они принадлежали молодому лосю.

Зачем мертвецу фотографии?

— Все ли передовики у нас на «доске почёта»? Никого не упустили? — спросил Грибин заместителя руководителя 9-го Управления генерала Сарычева, кивнув в сторону шутливой кумачовой доски на стене с фотографиями оперативников ЦРУ.

— Все здесь. Все девять субчиков. Вот они где все у меня, — показав сжатый кулак, ответил Сарычев.

Грибин лучше других знал, что технический персонал американского посольства в качестве вспомогательной силы резидентуры ранее не привлекался. Но теперь, при новом руководителе, все могло поменяться. Этот безумец мог поставить под удар кого угодно, не взирая на отсутствие у них дипломатических паспортов. В случае провала их ожидала не гуманная высылка из страны, а реальный тюремный срок. Готов ли новый резидент играть судьбами людей?

— У них же не у всех дипломатические паспорта, верно? — думая о чём-то о своём, спросил Грибин.

— Дипломатический статус имеют только сотрудники госдепартамента, а также их контрактники.

Беседу Грибина с Сарычевым прервала первая из бригад наружного наблюдения, прибывшая в условленный срок на собеседование.

— Здравствуйте, товарищи, — обратился к ним Грибин и после того, как все разместились за столом, продолжил:

— Кто может что-то добавить к нашей «доске почёта»? — спросил Грибин, указывая на фотографии улыбающихся янки.

— Эти рожи я уже видеть не могу, — пошутил один из наружников.

— Это понятно, а может такое быть, что какой-то рожи здесь не хватает?

— Эти установленные точно. А по остальным пока нет подтверждения, мы не можем делать выводы, — ответил руководитель бригады.

— Хорошо, спрошу по-другому. Были какие-то подозрительные действия со стороны чистых, скажем так, сотрудников посольства. И все ли отражено в рапортах?

Руководитель группы покраснел и заёрзал на стуле:

— Нам нечего скрывать. Давайте поднимем все рапорты и сверим их с перемещением всех сотрудников посольства.

— Что значит «давайте»? Я должен рапорты все проверять? Я вас пригласил, чтобы вы вспомнили какие-то необъяснимые поступки ваших подопечных, нестандартные ситуации, может быть, какие-то странности в их поведении. Было такое?

— Конечно, куда ж без этого! Но это все отражено в отчётах.

— Вы можете гарантировать, что за все время вашего дежурства объект ни на минуту не уходил от вашего наблюдения?

— О каком промежутке времени мы говорим?

— Скажем, полгода: с декабря прошлого года по май этого.

— Три или четыре инцидента были, когда им удавалось оторваться. Первый, вы помните, это когда они вместо выпрыгнувшего человека манекен на переднее сидение усадили.

— Помню, как же...

— Второй и третий случаи были связаны с форс-мажором: в одной машина сломалась, а в другой она попала в ДТП. По всем случаям было проведено расследование, виновные получили по заслугам.

— Ну, хорошо, это то, что касается оперсостава посольства, а остальные?

— А что остальные?

— С ними не было инцидентов?

— Если только мелкие, незначительные.

— Например?

— В основном, это касается нарушения ими установленного регламента работы с нашим УПДК.

— И что же они нарушают?

— Как правило, это связано с их выездом из страны и возвращением. Они должны своевременно извещать Управление МИДа о дате своего отъезда и времени возвращения.

По мере того, как бригадир продолжал говорить Грибин стал всё больше терять интерес к беседе с ним. Дослушивал и задавал ему уточняющие вопросы он только из уважения.

— То есть они забывают известить наш МИД или как?

— Ну, да. Как это было с Качерисом с ихним. Прибыл на три дня раньше заявленного срока и не сообщил об этом.

Грибин сначала спокойно воспринял эти слова, но затем встрепенулся так, словно получил обухом по голове:

— Ещё раз! Прибыл на три дня раньше и не известил об этом?

— Ну да.

— Значит, по вашим талмудам он числился за границей, а не самом деле бегал в Москве?

— Именно так! Поэтому я и говорю, что по взаимодействию с УПДК надо как-то вопрос решать.

Зам руководителя 9-го Управления понял, что с этого момента он должен вступить в бой и защитить своих ребят:

— УПДК подаёт нам ежедневную сводку о планируемых и подтверждённых перемещениях сотрудников посольств. На основании этих справок мы отмечаем работников посольств как временно выбывших. До момента их возвращения, разумеется, — уточнил Сарычев.

Грибин хотел со всей силы ударить кулаком по столу, но в последний момент затормозил движение руку и неестественно мягко положил её на стол:

— То есть все держалось на совести самих работников посольств? Так, что ли?

— Мы, конечно, не полностью полагались на эти справки МИДа и перепроверяли, но вы же понимаете, они мотаются туда-сюда каждый выходной, — пытался оправдываться генерал Сарычев.

— Давайте поподробнее про этого, как вы его там называли?

— Майкл Качерис.

— Кто он такой?

— Архивариус посольства.

— Выкладывайте все!

— Если позволите, я его представлю, — предложил Сарычев.

— Да, пожалуйста, — согласился Грибин.

— Выпускник Йельского университета, 32 года, три года работал в адвокатской конторе помощником, потом заключил контракт с госдепартаментом на два года работы в Москве. Прибыл сюда в декабре 1978. Его проверяли по линии внешней разведки. Контакт с ЦРУ на территории США предположительно не выявлено. Что не удивительно. В ходе наблюдения выявил себя как неуравновешенная эксцентричная личность, склонная к конфликтам и громким публичным истерикам.

В качестве подтверждения оценки своего руководителя бригадир «наружников» выложил перед Грибиным рапорт наружного наблюдения от 23 декабря 1979 года со следующей фабулой.

Днём, 23 декабря 1979 г., во время празднования Рождества с оставшимися в Москве сотрудниками американского посольства, проходившего в офисе 206 западного крыла здания, Качерис вступил в словесную перепалку с одним из дипломатов, после чего возникла короткая потасовка, в результате которой Качерису разбили нос, и он залил кровью коридор посольства, чем испортил вечеринку. После обращения за медицинской помощью к врачу посольства Качерис принял ещё дозу спиртного и вернулся к своим обидчикам, которые продолжали празднование в другой части здания. Угрожая «всех сдать в КГБ», Качерис стал поочередно оскорблять каждого, включая женщин. За это он был ещё раз избит, на этот раз основательно, и выкинут из здания во внутренний дворик. Затем в состоянии сильного алкогольного опьянения Качерис сел за руль своего автомобиля и попытался выехать в город, но был остановлен охранявшими здания морскими пехотинцами. Военные пытались отговорить Качериса от поездки на автомобиле в таком состоянии, но тот был непреклонен. Чуть ли не протаранив пехотинцев, он выехал на Садовое кольцо и буквально через 100 метров перед входом в тоннель врезался в разделительный бордюр, после чего его машину отбросило в сторону, и она столкнулась с двумя проезжавшими мимо автомобилями. Качерис попытался скрыться с места совершения ДТП, но был пойман пострадавшими водителями. В 22.00 он был доставлен в 12 отделение милиции, где он отказался предъявить документы и назвать своё имя. В 23.15 в отделение приехал посол США и под свою ответственность забрал Качериса.

Дальше Грибин читал по диагонали: лишён права управлять автомобилем на территории СССР, возмещение ущерба в размере 3523 рубля...

— И что, после всего случившегося никаких мер по отношению к этому Качерису не было принято? Ни посол, ни госдеп не ходатайствовали об его отзыве из Москвы?

— Насколько нам известно, они решили не портить ему биографию и отправить домой сразу по истечению контракта, в августе 1980-го, — ответил Немечек.

— То есть в Москве ему всего месяц остался?

— Да.

— Вы наблюдали этого человека в течение двух лет. Какое у вас сложилось личное — меня интересует именно личное — впечатление? — спросил Грибин у бригадира.

— Клоун. Просто клоун, если одним словом.

— Клоун? — переспросил Грибин.

— Цирк шапито. Бегаёт по утрам с пехотинцами в своих клоунских трусах в крупный жёлтый горошек...

Для пущей убедительности по ходу своего рассказа бригадир достал из досье фотографию Качериса и протянул её Грибину.

Он держал перед глазами снимок не то дегенерата, не то больного церебральным

параличом Качериса, в то время как бригадир добавлял к этому портрету все новые и новые убийственные штрихи:

— ... Охранники над ним смеются, представляют его прохожим московским девушкам как страшного парня, но с большой ялдой, а ему хоть бы что. Темп пробежки он поддерживать не может, пехотинцы уходят от него в отрыв, а он, запыхавшись, прекращает бег и возвращается в посольство один, в своих смешных трусах. У меня такое впечатление, что ему определённо нравится роль всеобщего посмешища.

— Однако, этот клоун на целых три дня, — сделав ударение на слове «три», прервал бригадира Грибин — исчез из поля вашего зрения?

— Как мы уже говорили, здесь все шло от не проработанности механизмов взаимодействия с МИДом.

— Куда и зачем он уезжал?

Хорошо подготовившись к встрече, бригадир извлёк из папки рапорт от 19 февраля.

— Качерис вылетал 12 февраля прямым рейсом в Гамбург, обратные билеты в Москву были заказаны на 15 февраля. По имеющейся у нас информации в Гамбурге он должен был встретиться со своей бывшей подругой по университету, возможно, любовницей, которая находилась в ФРГ в служебной командировке.

— Так..., - Грибин с нетерпением ждал продолжения.

Бригадир вопросительно взглянул на своего руководителя, будто спрашивая его разрешения, и тот решил, что с этого места продолжать будет он сам.

— Прилетев в Гамбург, Качерис купил билет на ближайший московский рейс Люфтганзы и в 18.00 этого же дня вернулся обратно, — скороговоркой произнёс генерал Сарычев.

— В Москву? 12 февраля в шесть часов вечера?

— Да.

— А вы его поехали встречать в аэропорт только 15 февраля?

Сарычев неохотно кивнул головой.

— Таким образом, на целых три дня он получил полную оперативную свободу. А вы говорите — клоун...

— Товарищ генерал... — в сердцах начал было бригадир.

— Что? — грубо оборвал его Грибин.

— Если Качерис — неустановленный оперативный сотрудник, то я — балерина.

— Слышишь, как твои соколы зоркие заговорили, — обратился Грибин к Сарычеву. Ловлю тебя на слове, — повернулся он к бригадиру. Если установим Качериса как сотрудника ЦРУ, ты у меня пачку балетную наденешь и станцуешь в моем кабинете.

— Не станцую.

— Посмотрим. Все свободны.

Бригадир вместе со своими «наружниками» дружно встали из-за стола и покинули комнату. Вслед за ними поднялся и заместитель «девятки».

— Зря вы так. Антонов наш старейший «наружник», легенда, можно сказать. А вы ему «пачку балетную наденешь», — уже на выходе сказал Сарычев.

— Ну, извинись перед ним за меня.

— Нет, это уж вы сами.

Грибин ещё раз бросил взгляд на «доску почёта». Затем подошёл к ней поближе и сбоку от общей группы приколот десятиую по счету фотографию Качериса.

— Что, блять, Майкл, играть со мною вздумал? — зло выругался Грибин, глядя на ущербное лицо архивариуса.

* * *

Жечков даже не мог припомнить, когда в последний раз он так сильно напивался. Внешне все было культурно: на кухне, с закуской, в компании с женой. Однако, рюмка за рюмкой нарезался он капитально. Оставшись один на кухне потным, жарким июльским вечером, он мысленно формулировал письмо или текст речи, которые должен и обязан был высказать «Федосееву».

Во-первых, хотелось сказать, что ему очень жаль, что он вообще ввязался в эту мутную, полную интриг историю. По его мнению, пропажей старшего офицера КГБ, пусть даже и с семьёй, должна заниматься контрразведка и только она, а привлечение к этому делу прокуратуры носит показной, декоративный характер.

Во-вторых, Жечков хотел заявить, что он умывает руки. Параллельно с расследованием исчезновения семьи Шадриных ему удалось пресечь преступную деятельность опасной банды. Однако, привязывать эпизоды разбоев Сунгоркина-Самохина к делу Шадриных он не намерен, поскольку у него нет для этого оснований.

В-третьих.... А в-третьих, Жечков хотел предъявить «Федосееву» доказательства измены Жечкова, но у него их не было. Как оказалось, вся его предыдущая работа была ориентирована на обеление Шадриных, хотя с самого первого посещения его квартиры ему как следователю было ясно, что тот просто сбежал из Союза. Так какого черта продолжать этот спектакль?

Водка крепко ударила по голове, и Жечков решил передумать все на трезвую голову, не принимая скоропалительных решений. Ночью он провалился даже не в сон, а какую-то чёрную дыру, в которой он против обыкновения даже храпел.

Утром, не смотря на тяжёлое похмелье, прямо в туалете Жечкова озарила гениальная мысль. Если Шадрин вместе с семьёй бежал из СССР, значит он, прекрасно понимая, что никогда больше не сможет сюда вернуться, по идее, должен был каким-то образом сохранить памятные семейные реликвии. Возможно, семейный фотоальбом. И пока он, Жечков окончательно не разругался с КГБ и остаётся руководителем следственной группы, он сегодня же сориентирует всю свою бригаду и подчинённые ему региональные органы дознания на поиск фотолаборатории, которой, по его мнению, обязан был воспользоваться Шадрин перед побегом. Сентиментальность — вот что погубит опытного математика-шифровальщика, — загадал про себя Жечков. И отправил во все оперативные отделения внутренних дел московской и сопредельных областей фотографию Шадрина, указав в телефонограмме на необходимость проверки всех фотоателье на предмет посещения их этим господином.

Когда после обеда похмелье отступило, Жечков с удовольствием отведал живительного ленинградского рассольника, и его утренняя идея с фотоателье показалась ему теперь излишне авантюрной и несерьёзной. Но отступить было поздно. Что сделано, — то сделано.

В первой половине следующего дня в штаб Жечкова позвонили из посёлка Уваровка Можайского района и сообщили, что фотограф местного ателье как будто помнит человека из ориентировки.

— Как будто или помнит? — взволнованно спросил у подмосковного оперативника подошедший к телефону Жечков.

— Он утверждает, что копировал фотографии из фотоальбома очень похожему человеку.

— Он помнит, когда это было?

— Говорит, что в апреле, до майских праздников.

— Держите крепко этого фотографа. Я выезжаю.

Через два с половиной часа водитель Юра припарковал «Волгу» у неприметного трёхэтажного здания в 140 километрах от Москвы. Несмотря на отсутствие вывески внутри строения, которое оказалось местным Домом Быта, располагалось небольшое фотоателье. Жечков вышел из машины и к своему удивлению перед порогом этого дома почувствовал некое подобие страха. Ему показалось, что его опять ждёт фиаско. Стоило ли для этого так далеко ехать?

Фотографом оказался старый армянин.

— Вы могли бы вспомнить фотографии, которые вы переснимали для этого человека? — задал свой первый вопрос Жечков.

— Это обычные семейные фотографии. Сюжетно они типовые, у всех они одинаковые. Точно я могу вспомнить, только если мне вновь покажут эти снимки.

— Тогда вы их точно вспомните?

— Ну, конечно. Я же с каждой фоткой подолгу вожусь, она зрительно отпечатывается в голове.

Жечков положил на стол фотоальбом Шадрина.

Фотограф открыл первую страницу альбома и сразу вспомнил:

— Да, с этого отпечатка я снимал репродукцию

— Вы переснимали этот снимок?

— И этот, и этот, все эти снимки я копировал, — перелистывая страницы альбома, заявил фотограф.

Справившись с волнением, Жечков задал главный вопрос:

— У вас сохранились негативы?

— Все негативы я отдал заказчику.

— Так заведено или он попросил?

— В данном случае этот мужчина взял с собой все негативы. Да они мне и не нужны. Работа оплачена, я отдаю клиенту все исходники.

— То есть, негативов не осталось?

— Нет.

Увидев грустное лицо Жечкова, фотограф решил его обнадежить:

— Если для вас это так важно, можно порыться в обрезках, — он указал на большой чёрный мешок в углу комнаты. Самих негативов там не будет, но, возможно, найдутся экспозиционные клинья.

— Что это за клинья?

— Это куски плёнок, по которым я выбираю наиболее подходящую экспозицию.

— Это очень важно, — ответил Жечков.

— Тогда мне надо закрыть ателье. Искать придётся долго.

— Закрывайте, я дам вам любую справку.

Чтобы не мешать процессу поиска, Жечков вышел на улицу. На этой тихой,

провинциальной улочке он, вдруг, остро почувствовал, что, наконец-то, по-настоящему наступил на хвост Шадрина. Всего пару месяцев назад тот был здесь, думая, что в эту Богом забытую Уваровку никто и никогда не придёт по его следу. А вот и пришли!

Он сел на лавочку и стал смотреть на дверь, из которой в должен был выйти фотограф-армянин. Жечкову хотелось, чтобы тот вышел с негативом в руке.

Все случилось как в хорошей сказке. Спустя какое-то время он действительно вышел на порог и победно поднял над головой небольшой кусок плёнки.

Затем, вставив негатив в фотоувеличитель, он наглядно продемонстрировал Жечкову находку. На плёнке были восемь снимков молодого Шадрина, ещё студента МВТУ, сделанных с разными значениями диафрагмы. Обращённое в негатив улыбающееся лицо Шадрина представало в спектре от самого светлого и прозрачного до чёрного и плотного.

Пока Жечков рассматривал ключевую для всего дела Шадрина улику, к Дому Быта примчались две черные «Волги» ближайшего регионального управления КГБ.

— Геннадий Викторович Жечков? — обратились к нему прибывшие сотрудники.

— Он самый. С кем имею честь беседовать?

— Пожалуйста, пройдите к нашей машине. По радиосвязи вас вызывают из Москвы, — вежливо попросил молодой человек в сером костюме.

Жечков совсем не удивился, когда услышал в трубке радиотелефона голос «Федосеева».

— Мои ребята доложили, что тебя за Можай занесло. Что ты там делаешь?

— Заканчиваю расследование

— Заканчиваешь? — удивился «Федосеев».

— Я нашёл ателье, в котором Шадрин копировал свои семейные фотографии.

— Ну и что?

— У меня на руках негативы.

— Это ничего не меняет.

— Это все меняет!

— Как юрист ты же понимаешь, что это косвенная улика?

— Как юрист я понимаю, что человек, который за 140 километрах от Москвы тайно копирует свой собственный фотоальбом, вряд ли делает это на случай собственной смерти.

— Это все вилами на воде писано.

— Замоченное белье, немытая посуда, нарочито брошенные вещи в его квартире — со всем этим антуражем Шадрин явно перестарался. Слишком уж явно он хотел продемонстрировать отсутствие приготовлений к побегу. Однако, вся эта картина — это одно большое свидетельство его подготовки к бегству, — не одним дыханием выпалил Жечков.

— Гена, Гена, давай обо всем поговорим в Москве.

— Шадрин и его семья живы, здоровы и, скорее всего, находятся за пределами СССР. Вы же это прекрасно знаете.

Жечкову показалось, что связь прервалась и он вопросительно посмотрел на хозяина машины. Тот подошёл, проверил телефон и резюмировал:

— Все в порядке. В Москве повесили трубку.

— Прекрасно, — покидая салон «Волги», сказал Жечков.

— Одну минутку, Геннадий Викторович, — окликнул его молодой человек.

— Что ещё? — недовольно огрызнулся Жечков.

— Нам сообщили из Москвы, что мы должны принять от вас на хранение важные улики

по делу.

— Какие ещё улики?

— Негативы

Жечков рассмеялся в ответ. Затем извлёк из внутреннего кармана пиджака отрезок негатива.

— Это?

— Да.

За всей этой сценой загадочного противоборства спецслужб с крыльца Дома Быта наблюдал старый фотограф.

— Да забирайте за ради Бога, — Жечков отдал чекистам негатив и направился к своей «Волге».

Резко зарывчав двигателями, все три машины в разные стороны выехали со двора, оставив в клубах пыли лишь фотографа на ступенях крыльца. Тот не понимал, что произошло, но ему было жаль молодого человека, который приехал из самой Москвы, с таким трудом нашёл нужные ему плёнки и теперь так легко их лишился. Сурен печально покачал головой.

Тени на болотах

Посольский архивариус передвигался по Москве на стареньком Фольксваген жук. То ли его машина была слишком старая, то ли он сам очень медленно ездил, но следить за ним было очень трудно. Жук Качериса двигался чуть быстрее черепахи. Со стороны казалось, что он едет на первой передаче и переключаться вверх для разгона не собирается. «Волгам» со спрятанными под капотами мерседесовскими движками совершенно невозможно было ползти позади, ибо тем самым они себя обнаруживали. А другого способа слежки не было.

— Он определенно не дурак, — сказал Грибин, наблюдая из оперативной машины за оригинальной ездой Качериса по Москве. Возможно, он даже опасней всех остальных.

— Такое поведение тоже привлекает лишнее внимание. Тем оно и подозрительно, — высказал свое мнение сотрудник «девятки» за рулем.

— И что, он так и будет плестись или все-таки разгонится, — спросил Грибин.

— А вот смотрите. Сейчас он типа убаюкивает нас, чтобы мы расслабились. В таком темпе он может проехать пару закрытых поворотов, а в третьем или в четвертом попытается резко оторваться.

— Почему вы не докладывали об этом? — строго спросил Грибин.

— О чём? О манере его езды? Он же не является установленным сотрудником разведки. А этими чудачествами он пытается с нами играть, изображая из себя шпиона.

— Я так понимаю, это не ваша личная оценка, а позиция руководства Управления?

— Разумеется, — улыбнулся водитель.

— То есть, вы считаете, что он таким образом играет в шпиона?

— Типа того. Кем он там работает, в посольстве? Бумажки передвигает? А тут погоня, романтика!

В этот момент за очередным поворотом жук Качериса, как по заказу, вдруг, исчез из поля зрения машины преследования.

— Вот, опять в кошки-мышки с нами начал, — подбоченившись для активной езды, сказал водитель и резко прибавил скорость, чтобы одним прыжком нагнать беглеца.

Несмотря на то, что «Волга» пулей пронеслась по переулку, машины Качериса она не настигла. Водитель резко затормозил и, разворачиваясь в узком переулке, одновременно вызывал по рации смежников:

— Тринадцатому, восьмому и девятому — блокируйте выезды в треугольнике Поварская — Калининский проспект — Новинский бульвар.

По радиосвязи слышались отрывки реплик:

— Мы его взяли на Большом Ржевском.

— Ведете?

— Да, он тут петляет, но выходить, похоже, будет к Почтамту.

— Я двенадцатый. Приму его на Калининском.

Командирская машина с Грибиным на борту выехала на Калининский проспект и в районе кинотеатра «Октябрь» и остановилась на обочине.

— Он у «Мелодии», принимайте, — прошипела рация.

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида и, увидев в нем округлый контур красного Фольксвагена, завел двигатель.

Грибин уже приготовился проводить взглядом проезжающего мимо архивариуса,

разглядеть его вживую, но произошло то, чего никто не ожидал. Качерис снизил скорость и сам, повернув голову, уставился не моргающим взглядом на оперативную машину КГБ. Грибина спасли лишь затемнённые задние стекла. Но ему показалось, что Качерис смотрел сквозь плотную, черную среду и заметил его секундную растерянность. В жизни лицо архивариуса оказалось ещё более мерзким, чем на фотографиях.

— Да он дегенерат какой-то, — с отвращением отозвался о нём Грибин.

— Та нормальный парень, просто немного не в себе, — с украинским акцентом ответил водитель «девятки».

Через сорок минут петляний по городу Качерис остановил своего жука у бассейна «Чайка» в районе метро «Парк Культуры». Взяв из машины спортивную сумку, он исчез в коридорах спортивного комплекса.

Грибин открыл бардачок, взял трубку радиотелефона и вызвал одного из своих сотрудников.

— Я вас слушаю, товарищ генерал, — ответили на том конце.

— Я помню у Шадрина был абонемент в бассейн. Напомните мне, в какой именно.

— В Лужники.

— Точно?

— Абсолютно

— Вы проверяли это?

— Так точно. Он регулярно, два раза в неделю посещал бассейн вплоть до майских праздников. Последний раз он был в Лужниках 27 апреля.

— Хорошо, спасибо, — повесил трубку генерал.

Грибин вышел из машины, распрямил затекшую спину и громко произнес:

— А не тряхнуть ли мне стариной?

— А что, и тряхните, — ничего не поняв, поддержал его порыв водитель.

Грибин вошел внутрь здания бассейна и первым делом обратился в окошко дежурного администратора.

— Скажите, я могу прийти к вам поплавать, если у меня нет абонемента?

— Это зависит от загруженности, — ответила администратор. На время, когда дорожки заняты спортивной секцией, мы не пускаем посторонних. А в остальное время на коммерческой основе с предъявлением справки.

— Какой справки?

— Медицинской. Форма 086.

— Спасибо, — поблагодарил ее Грибин.

Козыря одной из своих многочисленных красных корочек прикрытия, — в данном случае это было удостоверение полковника МВД — Грибин быстро нашел служебную комнату дирекции бассейна.

— Меня интересуют медицинские справки посетителей за 1980 год — прямо с порога заявил он работникам дирекции.

— Да, конечно, но самих справок у нас нет, только записи о том, что они были предъявлены — засуетились те и выставили перед Грибиным две картонные коробки со справками.

— Многовато, — недовольно сказал генерал. Пожалуйста, отберите только те справки, в которых фамилия начинается с буквы Ш.

Вскоре перед Грибиным лежала небольшая стопка, на которую ему потребовалось

меньше минуты, потому что шестой или седьмой по счету всплыла запись с фамилией Шадрина.

Грибин внимательно перечитал формуляр, в котором было указано, что Шадрин Виктор Иванович, 1946 года рождения предъявил медицинскую справку формы 086, выданную 8.09.1979 во время одноразового посещения бассейна 12 февраля 1980 года.

«Вот я и тряхнул стариной», — подумал про себя Грибин.

С этой справкой в руке в состоянии чрезмерного психологического возбуждения он вышел на свежий воздух и присел на длинную скамью открытой трибуны.

Все события 12 февраля 1980 года выстроились теперь в стройную, логичную цепочку.

В 8.00 утра Качерис стыковочным — через Берлин — рейсом Аэрофлота вылетает из Москвы в Мюнхен. Накануне он извещает УПДК, что согласно уже купленным обратным билетам он вернется в столицу 15 февраля. Зафиксировав отлет Качериса, и положившись на справку МИДа, Девятое Управление снимает с Качериса наблюдение до момента его возвращения. Архивариус, тем временем, прибыв в Берлин, вместо того, чтобы продолжить свой маршрут до Мюнхена, тут же покупает обратный билет в Москву на ближайший рейс Люфтганзы. Таким образом, в 18.00 он оказывается вновь в Москве, но уже свободный как птица, без хвоста за спиной. В посольском жилом квартале вечером 12 февраля, он, разумеется, не появляется, чтобы не выдать своего молниеносного возвращения. Где Качерис провел ночь с 12 на 13 февраля еще предстояло выяснить. Однако, необычное и неожиданное посещение Шадриним бассейна «Чайка» вечером 12 февраля выглядело очень примечательно, учитывая, что Качерис имел там постоянный абонемент.

Сидя на трибуне под открытым небом и обозревая панораму спортивного комплекса, Грибин обратил внимание, что в бассейне стоит несмолкаемый гвалт, создаваемый шумом Садового кольца и плеском воды. «Довольно неплохое место для оперативного контакта», — мысленно отметил он. Многие пловцы висели на пластиковых разделительных дорожках и болтали друг с другом. При этом в своих резиновых шапочках все выглядели на одно лицо.

Должно быть, вот так же беседовали две головы в шапочках и вечером 12 февраля, подумал генерал. Наверняка они во всех деталях обсуждали план предстоящей эксфильтрации семьи Шадрина. Исходя из своей богатой практики, Грибин знал, что за три месяца до намеченной даты операции у американцев уже должен был быть составлен конкретный план. Иначе агент не смог бы подготовиться и все превратилось бы в опасную авантюру. Здесь, в бассейне, Качерис обрисовал Шадрину общий план и, без сомнения, дал конкретные инструкции, которым тот должен был следовать неукоснительно. Наверняка он ознакомил Шадрина с системой связи на предстоящее время, а также условились, каким образом в случае опасности тот сможет подать сигнал тревоги. Как генерал второго главка он досконально знал всю эту шпионскую кухню и детально мог бы воспроизвести гипотетический диалог куратора со своим агентом. словно сам присутствовал на инструктаже Шадрина.

Среди множества плавающих голов в шапочках Грибин попытался вычислить Качериса, но не смог.

«Может быть, он уже ушел, а все сижу на трибуне?» — с грустью подумал он.

Следующая мысль кольнула сильнее.

«Через месяц этот Качерис улетит к себе в штаты и, может быть, станет большим начальником в советском отделе, а меня тихо проводят на пенсию, обвинив в том, что „не доглядел“. И ничего уже не изменишь, ведь все уже случилось еще в мае. Сейчас хорошо бы

таблетку или на худой конец дернуть рюмку коньяка», — подумалось генералу.

Он встал, осмотрелся по сторонам в поисках коллег. Поняв его вопросительный жест, к нему подошел молодой человек в плохо сидевшем на нем сером костюме.

— Вам плохо, Анатолий Петрович?

— Что, я бледный? — спросил генерал.

Молодой человек наклонился к левому лацкану пиджака и тихо позвал кого-то по рации.

Через 10 минут Грибин уже лежал на кушетке в тренерской комнате.

— Все вроде прошло, — привстав, успокоил он окружение.

— Не вставайте, сейчас Скорая приедет.

— Какого черта вы ее вызвали? У меня такое каждый месяц бывает. Отмените вызов.

— Пусть они вас посмотрят.

— Где этот архивариус? — уже забыв про приступ, спросил Грибин.

— Не беспокойтесь, он под контролем.

— Под контролем? — внезапно взорвался Грибин. Да кому этот контроль теперь нужен!!!

— Успокойтесь, Анатолий Петрович, пожалуйста. Вам нельзя нервничать.

— Где вы были раньше? Куда смотрели? Этот debil обвел вас вокруг пальца как детей малых!

— Анатолий Петрович...

— Упустили! Из-под носа! Даже не из-под носа!!! С Лубянки!!! Да за это нас всех расстрелять надо! Всех, блять, в августе соберу и заставлю поехать в аэропорт провожать этого архивариуса. Чтобы всем стыдно было. Всем, с цветами, блять, в Шереметьево! Какие вы чекисты после этого? Кроме корочек ничего и не осталось...

После приступа Грибин особенно остро испытал чувство истекающего времени. В его распоряжении осталась всего одна неделя. Ровно за 14 дней до старта мирового спортивного праздника все силы КГБ и Второго Главка будут брошены на обеспечение безопасности Олимпиады. Значит, все мероприятия по делу Шадрина ему нужно было закончить до 5 июля.

* * *

1 июля 1980 года стал счастливым днем для Жечкова. Его сняли с поста руководителя объединенной следственной группы по делу Шадрина. Ура! — крикнул он, узнав об этой новости.

А пока его попросили ввести в курс дел нового руководителя, помочь ему на первую пору и обеспечить, тем самым, плавную передачу дела. Короче, недели две предстояло работать вдвоем. Новый следователь, по традиции тоже не москвич, даже не представлял, в какое болото он попал. Материалы обвинительного заключения по делам разбоя на дорогах в прокуратуре не утвердили, так что передача их в суд откладывалась. А причиной всему — нежелание Жечкова приобщать к делу Самохина-Сунгоркина эпизод с исчезновением семьи Шадриных. И вот теперь, после назначения нового руководителя следственной группы, от того ожидали «гибкости и понимания».

Максим — так звали преемника Жечкова — откровенно жаловался ему на давление,

которое оказывали на него в КГБ.

— Я им говорю: хорошо, но пусть преступники хотя бы примерно покажут, где они утопили автомобиль, а не тычут в разные части карты.

— А каким образом выяснили, что автомобиль утопили? — спросил Жечков.

— На основании показаний подследственных, — ухмыльнулся Максим.

— То есть они убили трех человек, чтобы завладеть автомобилем для того, чтобы затем его утопить?

— Логика никого уже не волнует. Жигули Шадрина исчезли сквозь землю, а бандиты — вот они, во всем признались. Говорят, что машину в болоте утопили, вместе с Шадринными. Поди проверь.

— Вместе с Шадринными?

— Ну да.

— Как же это будет выглядеть в суде? В что вообще был мотив разбоя? Просто убивать всех и топить?

— Как я понял, с ними в Лефортово сейчас работают в этом направлении.

Видеозапись следственного эксперимента.

Голос за кадром:

— Ведется видеозапись следственного эксперимента по делу номер 209, эпизод с семьей Шадринных. Следственные действия проводятся на месте предполагаемого убийства семьи Шадринных на 67 километре Минского шоссе.

В кадре появляется закованный в наручники Самохин.

— Где стояла машина Шадрина? — спрашивает следователь.

— Вот здесь, — Самохин указывает головой в сторону обочины.

— Что это была за модель?

— Что? — не понял вопроса Самохин.

— Какой модели были эти Жигули?

— Пятой, — ответил Самохин.

— Вы имеете в виду ВАЗ двадцать один ноль пять?

— Да, пятерка.

Жечков за локоть отвел Максима в сторону и полушепотом поделился с ним своим удивлением.

— Они, что, совсем с ними не работают?

— Я сам удивляюсь, — согласился с ним Максим.

Тем временем, следственный эксперимент продолжался.

Следователь КГБ поправил Самохина:

— Я напоминаю, что сейчас мы рассматриваем эпизод с семьей Шадринных. «Пятерка» проходила по другому эпизоду, а у Шадринных была шестая модель. Вы же сами в показаниях не раз упоминали об этом. Давайте, еще раз этот момент уточним. На обочине стояла шестая модель Жигулей. Правильно?

— Да, «шаха» стояла.

— То есть, назвав ее «пятеркой», вы перепутали эпизоды?

— Да, перепутал.

— У Шадриных была «шестерка»?

— Да, да. «Шестерка».

Следующие действия проводили в глубине леса, на проселочной дороге уже с подследственным Сунгоркиным.

— Итак, почему у вас возникла мысль утопить машину вместе с жертвами в болоте? — спрашивает следователь.

— Мы испугались.

— Чего вы испугались?

— Мы нашли в салоне автомобиля удостоверение майора КГБ и решили, что теперь нам крышка, что нас обязательно найдут. И вот от страха мы избавились и от машины, и от тел.

— То есть вы ее утопили?

— Да.

— Тела находились внутри машины?

— Да.

— Где именно?

— Мать и дочка в багажнике, а мужчина на заднем сидении.

— Перед затоплением машины они были мертвы?

— Да.

— Вы можете указать место, где вы утопили машину?

— Могу.

— Конец видеозаписи, — произнес голос за кадром, после чего камеру выключили.

На этом следственные действия закончились. Присутствующие на них бывший и нынешний следователи прокуратуры не ожидали столь быстрой концовки.

— Я не понял, а где место затопления то? — спросил у Максима Жечков.

— По материалам дела где-то в Шатурском районе.

— Шутишь?

— Ничуть.

— То есть, они с тремя трупами на чужой машине с одного конца области ехали в другой?

— А что им оставалось делать? Здесь нет настоящих болот.

— Им — это кому? Кого ты имеешь в виду?

— Геннадий, ты же все понимаешь...

— Теперь уже не во мне дело.

— А что я? Если хочешь знать, я тебе скажу — да, я приобщил эпизод с Шадринными к делу о разбоях. Да, там все шито белыми нитками, но я подписал все обвинительные заключения и не вижу в этом никакой сделки со своей совестью. Самохин и Сунгоркин — настоящие убийцы и такую принципиальность, какую ты проявил всего по одному эпизоду, — а на них, я напомним, пять убийств висит — так вот, эту твою щепетильность я считаю излишней.

— Максим, ты не понимаешь. Я же не бандитов защищаю.

— А кого же тогда?

— Я свою репутацию защищаю.

— А я считаю, что репутацию ты как раз свою подмочил.

— Ты, правда, так думаешь?

— Конечно. Зачем ты встал в позу перед КГБ? Ты подумай, кто ты и, кто они. Они настолько сильнее тебя, что даже давить тебя не стали. Просто заменили тебя мною. Я не знаю, что тебя ждет. Может, они обломают тебе биографию, может, пожалеют. Тебе это надо было? Нахера ты полез в залупу?

— Максим, а что ты будешь делать, когда выяснится, что Шадрин вместе с семьей живы и здоровы? — привел свой последний аргумент Жечков.

— Мы их похоронили, и теперь это не моя забота.

— Ошибаешься, дружок. Когда Шадрины чудесным образом воскреснут, то по вновь открывшимся обстоятельствам заведут новое дело. И тот же КГБ, который помогал тебе топить их в болоте, отправит дело на пересмотр, а тебя позорно уберут с глаз долой как отработанный материал.

— Ты сам-то веришь в этот бред?

— Так и будет, Макс. Вот увидишь.

Сыворотка правды

Фольксваген Качериса с красными дипломатическими номерами серии 004 съехал со МКАДа на старое Варшавское шоссе, оставив позади большие каменные буквы «Москва» в обрамлении олимпийской символики.

Через три дня в честь Дня Независимости в посольстве устраивался большой прием, и многих технических сотрудников привлекли для помощи в организации главного мероприятия года. Качерис, в частности, должен был забрать в одной из подмосковных типографий тираж заказанных посольством специальных праздничных буклетов, предназначенных для гостей миссии.

Майкл был в прекрасном настроении. Его московский контракт подходил к концу, на 2 августа ему уже были заказаны авиабилеты в Нью-Йорк. Осталось лишь вытерпеть последнюю патриотическую вечеринку в России. Ох, как он ненавидел эти лицемерные сборища! Свою точку зрения Качерис не скрывал: он был возмущен, что посол составлял список гостей только после предварительного согласования с КГБ. «Это немыслимо — возмущался Майкл перед теми сотрудниками посольства, которые ещё могли слушать его речи. Зачем запускать в посольство и поить алкоголем целую армию агентов КГБ?». Ему отвечали, что он не прав, что большинство приглашенных не имеют отношения к советским органам и даже, более того, являются диссидентами. В это благодушие он не верил. Из года в год состав приглашенных, одобренных Кремлем, не менялся, что только подогревало его подозрения.

— Вот видишь, в этом году не будет Аксенова, — припомнив свой давний спор с Качерисом, сказал ему второй секретарь.

— И что это доказывает? — не унимался архивариус.

— То, что Аксенов — настоящий диссидент, а вовсе не агент КГБ, которым ты его считал. Его лишили квартиры и советского гражданства.

— Ты плохо знаешь методы КГБ, — не сдавался Качерис.

— Не стану спорить. Архивариусу лучше знать, — напоследок уколол его секретарь.

Не доезжая поселка Щербинка, строго по карте Качерис повернул налево и вышел на свободное от машин загородное шоссе, по которому ему предстояло двигаться ещё девять километров.

Внезапно, его Фольксваген на большой скорости обогнала синяя «Волга», при этом грубо подрезав. Вначале Качерису показалось, что причиной всему послужили дипломатические номера его машины. В прошлом уже бывали случаи, когда русские водители, как правило, пьяные, таким своеобразным способом пытались «общаться» на дороге. Но сейчас за рулем обогнавшей его машины сидел явно неадекватный человек. «Волга» сильно виляла по дороге, в какой-то момент она чуть не улетела в кювет. Вдобавок ко всему из этой машины прямо на дорогу полетели две пустые водочные бутылки, которые, разбившись, усеяли весь асфальт множеством блестящих острых осколков.

Маневрируя между крупными фрагментами стекла, Майкл громко выругался, однако, прокола удалось миновать. Пьяная «Волга» ушла далеко вперед и скрылась из виду.

Дальше, у опушки леса, дорога дела крутой поворот. Войдя в него, Качерис заметил разбросанные на дороге вещи — открытая дамская сумочка, косметические принадлежности, а чуть поодаль две женские туфли.

Он сбавил скорость.

Впереди, метрах в тридцати, на краю проезжей части лежала женщина. Её опрокинутое на правый бок тело было неподвижно, одна только левая рука пыталась приподняться.

Взволнованный Майкл остановил машину и бросился к женщине.

Ожидая увидеть нелицеприятные повреждения на теле пострадавшей, он с удивлением обнаружил, что эта женщина не похожа на жертву наезда и, скорее всего, просто пьяна. В тоже мгновение, как он понял это, Качерис метнулся обратно к своей машине. Но было поздно. Не добежав пару метров до дверцы Фольксвагена, он попал в крепкие борцовские объятия нескольких крепких мужчин.

Рядом с ними тут же затормозила возникшая из-под земли «Волга», в которую быстро запихали скрученного американца, после чего машина резво сорвалась с места. Через несколько секунд, после подчистки, на дороге не осталось ни одного следа только что разыгравшейся здесь острой операции.

Мужчины, сидящие по бокам от Качериса, накинули ему на лицо пропитанную специальным раствором повязку, а затем сделали ему укол в руку.

По мере того, как под действием инъекции его тело начало обмякать, они ослабили хватку.

Теряя сознание, Майкл твердил одну и ту же фразу по-русски:

— Зачем Вы это делаете?

— Тихо, тихо, — успокаивали его крепкие мужчины.

— Зачем Вы это делаете?

* * *

Качерис увидел в проёме окна густые ветви липы. Похоже, комната находилась на уровне второго или третьего этажа. Как из тумана перед ним возник пожилой русский, который что-то говорил, а ему быстро это переводили. Этот загадочный русский говорил странные, как ему казалось, вещи. Например, он говорил такое:

— Человек может просто пропасть. Сел в машину, поехал на дачу и пропал. Такое случается. Может быть, с ним произошел несчастный случай, может он стал жертвой преступников, в конце концов, там может быть замешана женщина или ревность. Много может быть. Поверьте, такое случается часто.

Качерис не понимал, какое все это имеет отношение к нему лично. А мужчина продолжал говорить загадками.

— А вы знаете, сколько по официальной статистике МВД в Советском союзе ежегодно пропадает людей?

— Нет, не знаю, — ответил пришедший в себя Качерис.

— Двадцать две тысячи человек! Двадцать две тысячи! — сказал Грибин. Человеком, пробудившим Качериса от забытья, оказался именно он.

— Зачем вы говорите мне все это? — еле ворочая языком, поинтересовался архивариус посольства.

— Разве среди этих двадцати двух тысяч бедняг не может оказаться американский гражданин?

— Вы похитили меня. Вы ограничили мою свободу. Вы нарушаете свои законы.

— О-о-о! Мы гарантируем, что в отношении тебя все законы будут соблюдены. Посольство США будет уведомлено о возбуждении розыскного дела в отношении Майкла Качериса. О ходе расследования мы будем постоянно информировать вашего посла. Правда, никто не знает, сколько времени займут поиски. Это могут быть годы. Ты знаешь, Майкл, многих пропавших без вести так никогда и не находят, — зловеще пошутил Грибин.

— В посольстве знают, что меня похитили, — неожиданно заявил Качерис.

Грибин многозначительно переглянулся со своими сотрудниками.

— Ты ошибаешься, Майкл. Там сейчас все спокойно. Гинчер в спорткомплексе «Дружба» играет в теннис. Хэттевей в ресторане на Поварской. А Стенфорд, как ни в чём не бывало, до шести вечера штампует визы. Неужели ты думаешь, что из-за какого-то архивариуса поднимут скандал?

— Какое сегодня число? — спросил Качерис.

— Наверное, следующее за тем, которое было вчера, — предположил Грибин.

— Сегодня 2 июля?

— Возможно.

— Вы совершили большую ошибку, — спокойно сказал Качерис.

— Возможно.

— Вы похитили сотрудника госдепартамента. Это будет иметь последствия.

— Майкл, мы теряем время. А нам надо начинать работать.

— Работать?

— Да. Нам предстоит многое выяснить, — по-отечески сказал Грибин.

— Зачем вы это делаете? — заладил старое Качерис.

— Ты готов работать?

— Нет.

Грибин отошёл в сторону, передавая эстафету допроса специально подготовленному сотруднику с опросником в руках и с безупречным английским

— 12 февраля ты улетал в Мюнхен с обратным билетом на 15-е. Это так?

— Да, я улетал.

— Это было двенадцатого февраля, в пятницу?

— Наверное

— Когда ты вернулся в Москву?

— Я не помню

— Ты заказал обратный билет на пятнадцатое февраля. Значит, ты вернулся пятнадцатого?

— Я не помню. Дайте мне воды

— Сколько дней ты был Мюнхене?

— Два или три.

— Ты вылетал в Москву из Мюнхена?

— Да

— Какого числа?

— Я же говорю, что не помню

— В каком отеле ты останавливался в Мюнхене?

— Вы все сошли с ума. Вы похитили сотрудника Госдепартамента, — уклонился от темы Качерис.

— В каком отеле Вы остановились в Мюнхене?

— Зачем Вы это делаете?

Человек, ведущий допрос, подает знак своим помощникам. Те хватают и удерживают Качериса, пока врач делает ему очередной укол.

— Зачем Вы это делаете? — слабеющим голосом говорит тот.

Пока подопытный «растекается» по креслу, допрашивающие устраивают небольшой кофе-брейк.

Доктор, тем временем, следит пульсом Качериса, проверяет состояние его зрачков, затем подает знак, что можно продолжать.

В комнату входят двое высоких, красивых, похожих на настоящих американцев парней. Они по-дружески хлопают Качериса по спине:

— Майкл, дружище, ты молодец! Теперь ты в безопасности. Русские тебя уже не достанут.

— Они меня пытали, — пробормотал Качерис.

— Забудь. Теперь ты среди своих друзей. Ты молодец! Не выдал им ничего.

Качериса вновь обнимают и хлопают по плечу.

— Где я? — спросил Качерис.

— Ты в Вирджинии, мать ее, Майкл! Все позади. Ты дома! Хочешь пива? Давай выпьем за твое возвращение.

Приносят баночное пиво и, открыв одну из них, предлагают ее Майклу. Он пытается взять банку, но у него не поднимается рука.

— Странно, я не могу поднять руку.

— Давай мы в тебя так вольем, — шутят парни.

В этот момент находящийся в комнате доктор подает резкий запрещающий знак, после чего двое молодых ребят продолжают разговор с Майклом уже без пива.

— Майкл, напрягись из последних сил и вспомни.

— Что я должен вспомнить?

— Что знают русские о твоей поездке в Мюнхен?

В этот момент Майкл перестает понимать, что происходит вокруг.

Люди, похожие на американцев хлопают его по плечу и спрашивают:

— Русские знают, что ты из Берлина тем же вечером вернулся в Москву? Это очень важно, Майкл. Они знают, что ты вернулся туда тайно?

Откуда-то из забытья Майкл отвечает:

— Они все знают.

— Значит, они знают о твоей встрече с агентом? Что им известно о твоей работе с Шадриным?

К этому времени Качерис стал издавать какие-то странные грудные звуки и дежуривший здесь доктор призвал прекратить допрос.

— Думаю, на сегодня хватит. Надо закругляться, — сказал он

— Еще пару минут, — распорядился Грибин.

Двое парней вновь прильнули к Качерису с вопросами.

— Майкл, что русским известно об операции с Шадриным?

В их диалог вынужден вмешаться доктор:

— Можете больше не спрашивать. Он отключился.

Но, ко всеобщему удивлению, Качерис, так и не открыв глаз, вдруг, отчётливо произнёс:

— Шадрин — это наша головная боль...

— Прекратите немедленно! — настаивает доктор.

Грибин бросился к Качерису.

— Что это значит? — кричал генерал, хватая обмякшего американца за грудки.

— Вы его убьете! — пытался перекричать его доктор.

— Что это значит? — все ещё пытался докричаться до Качериса Грибин.

Вбежавшие в комнату три врача уже силой оттащивали Грибина от Качериса, но тот продолжал кричать:

— Что это значит?

Тем временем, у американца уже пошла ртом белая пена.

Пока врачи колдовали с американцем, в соседней комнате Грибин раз за разом прослушивал ту часть магнитофонной записи, где Качерис произносит загадочную фразу о Шадрине:

— Шадрин — это наша головная боль.

— Он сказал «Шадрин — это наша головная боль», правильно? — переспрашивал Грибин у коллег.

Все подтвердили это.

— Откуда архивариус посольства мог знать про Шадрина? — не унимался Грибин.

— Мы сами озвучили это имя во время допроса, — ответил ему кто-то.

— Ну и что? Если бы он не знал Шадрина, он никогда бы не произнес этой фразы, — не сдавался генерал.

— В сомнабулическом состоянии люди часто говорят загадочными фразами.

Грибин уже в десятый или одиннадцатый раз включил магнитофон, и из колонок вновь послышалось:

— Шадрин — это наша головная боль.

— «Наша боль» — это чья? — уже сам себя пытался убедить Грибин.

Внезапно, в коридорах дома возникла тревожная суэта. Все забегали. Во двор коттеджа въехала машина Скорой помощи с реанимационным оборудованием. Туда стремительно загрузили носилки с Качерисом.

До Грибина долетали отрывки коротких и страшных фраз — «клиническая смерть», «остановка дыхания», «остановка сердца».

Спустя тридцать минут, как Скорая увезла Качериса, Грибина позвали к телефону и сообщили:

— Он умер.

* * *

Первые трое суток сотрудники американского посольства пытались собственными силами найти Качериса, но на четвёртый день — по злой иронии судьбы это было 4 июля — обратились в Министерство Внутренних Дел СССР с официальным заявлением о пропаже гражданина США. Советская сторона заверила американского посла, что самым тщательным образом расследует все обстоятельства и постоянно будет держать его в курсе дела.

Реакция официального Вашингтона была сдержанной. Там изучили файлы с личным делом Качериса и посчитали, что тот мог стать жертвой собственного дурного характера и

предельной недисциплинированности. Все вспомнили про то, как часто он садился за руль пьяным и даже пожалели, что посол сумел замять прошлогодний инцидент, когда русские хотели лишить его водительской лицензии.

В качестве жеста доброй воли американской стороне было предложено взаимодействие по неофициальным каналам. В рамках этого предложения Второе Главное Управление, в котором Грибин возглавлял 1-й отдел, передало американцам внутреннее досье КГБ на Качериса, в котором были отражены все его перемещение и контакты за последний год. При этом в досье отсутствовала информация о нелегальном возвращении Качериса в Москву вечером 12 февраля 1980 года.

Для вручения этого оперативного документа была специально организована встреча Грибина и Хеттевея, состоявшаяся в ресторане «Прага». Как часто говорилось на советском телевидении, — «встреча прошла в тёплой, дружественной обстановке, стороны обменялись взглядами на текущие вопросы международной политики».

В ходе встречи Хеттевей улыбался, даже похлопал по плечу «коллегу».

Грибин понимал, что такой матёрый разведчик как Хеттевей, никогда не признается том, что Качерис был одним из его парней. Хеттевей, в свою очередь, был уверен, что люди Грибина, скорее всего, похитили Качериса и сделали его тайным пленником в отместку за успешный побег Шадрина.

В ходе этой бессловесной дуэли противниками была выпита бутылка виски, а на выходе из ресторана Грибин и Хеттевей предлагали друг другу воспользоваться своими машинами.

Последняя глава

Карьера и судьба Грибина повисли на волоске. Ситуация в Москве была тревожной и неопределенной. 4 июля, на третий день после исчезновения Качериса, посольство США подало официальное заявление в МВД СССР о пропаже американского гражданина. В этот же день из Москвы был отозван для консультаций резидент ЦРУ Хеттевей. Какими будут ответные ходы противника и какова степень его информированности об инциденте с Качерисом, оставалось неясным. В коридорах Лубянки среди генералитета все активной стала муссироваться идея о том, чтобы на время «убрать с поля» участников той злополучной акции с архивариусом.

— Зачем мне ехать в Свердловск, когда мой наградной пистолет на подмосковной даче? — в беседе с коллегой обронил Грибин в надежде быть услышанным.

Расчет оказался верным. Эти разговоры напугали руководство, и на 10 июля Грибину была назначена встреча с Председателем КГБ, которая и должна была расставить все точки над *i* относительно его дальнейшей судьбы.

За несколько дней до назначенного высочайшего приёма супруге Грибина позвонили из административного отдела КГБ и сообщили, что к ним на дачу направляются представители комиссии по контролю за хранением оружия. Самого генерала в этот момент в доме не было, и супруга попыталась сразу же позвонить ему на работу, но новоявленные гости уже стояли на пороге.

— Не волнуйтесь, Валентина Петровна. Это формальность, мы просто проверим сейф и составим протокол, — успокоили её члены комиссии.

По словам Валентины Петровны, сам пистолет они держали в руке от силы пару минут. Тем сильнее было удивление вернувшегося вечером из Москвы Грибина.

— Наверняка, они с ним что-то сделали, — рассматривая стенки ствола, предположил генерал.

— Зачем им это надо? Они у всех проверяют, — без задней мысли ответила супруга.

— Проверить, что ли?

— Да ты с ума сошел! Стрелять собрался? Весь поселок разбудишь!

Грибин налил себе большую рюмку коньяка и взглянул на жену, с которой прожил тридцать восемь лет. Она стояла спиной к нему и протирала полотенцем вымытую посуду.

Грибин взвёл затвор и поднёс пистолет к виску.

— Служу Советскому Союзу, — торжественно произнес он.

Валентина Петровна резко обернулась, но поняла, что не успеет допрыгнуть до мужа и выхватить у него пистолет.

В ту же секунду Грибин нажал на курок.

Вместо выстрела раздался отчетливый металлический щелчок.

Валентина Петровна безвольно опустилась на стул с побелевшим как мука лицом.

— Они разрядили обойму, — отложив пистолет в сторону, успокоил ее супруг и сразу опрокинул в себя сто пятьдесят граммов коньяка.

Собравшись с силами и отдышавшись, Валентина Петровна встала и со всей силы заехала мокрым полотенцем по морде Грибина.

Утро было свежим как перед казнью. К поджидавшей его «Волге» Грибин вышел из

ворот дачи в своём парадном генеральском мундире. В последний раз он надевал его несколько лет назад на торжественное заседание, посвященное 60-летию Великой Октябрьской Революции. Все остальное время костюм лежал в сундуке, обильно проложенный сухими апельсиновыми корками.

10 июля 1980 года, в 10 часов 21 минуту утра помощник Андропова пригласил Грибина в кабинет к Председателю.

— Здравия желаю! — представился Грибин, как бы подчёркивая, что человек он военный и готов подчиниться любому приказу, касающегося его личной судьбы.

— Садись, Анатолий, — Председатель указал на ближайший от себя стул.

— Я подготовил доклад, если Вы сочтете нужным выслушать..., - начал Грибин.

Андропов жестом руки остановил его.

— Не надо. Я все знаю. В нашей профессии всякое бывает. Мы единственные, кто в мирное время вынужден вести незримую войну, а на войне всякое бывает.

— Когда ты последний раз был в отпуске? — неожиданно перевел тему беседы в другое русло Андропов.

— В прошлом году.

— Где отдыхал?

— На даче.

— А для кого же мы на Черном море, во Фрунзенском, дом отдыха построили? Почему не едешь?

— Юрий Владимирович, простите меня, я такой человек, что со мной лучше сразу начистоту.

— Подожди. Не торопись, — притормозил его Председатель.

— Я готов нести ответственность за неудачную акцию и за все её последствия. Для меня самое страшное — оставаться в неведении относительно своей судьбы. Если мне нужно уйти на пенсию, — пожалуйста. Если я должен покинуть ряды Комитета — я готов и к этому. Если ссылка — ну что ж, отправлюсь. Только не отпускайте меня за эту дверь в неведении.

— Хорошо, раз ты так хочешь, — начал раскрывать карты Андропов. Новым руководителем Первого отдела назначен Перевозчиков, ты его должен знать.

— Да, его знаю.

— Значит, все дела, как положено, передашь ему.

Грибин покорно кивнул.

— Теперь по поводу тебя лично. Состоявшаяся вчера Коллегия рекомендовала отделу кадров перевести тебя в действующий резерв. Как ты на это смотришь?

— Я человек военный. Куда направят — туда и пойду.

— Нет, тут ты сам выбирай, с какой позиции тебе будет лучше работать. Заместителем руководителя «Международной книги» хочешь поработать? Международные ярмарки, большие вербовочные возможности по работе с западной художественной интеллигенцией. Или на ту же позицию в «Совэкспортфильм». Если тебе не нравятся творцы, отправляйся в «Совфракт». Там уже серьезные деловые круги. Такого разведчика как ты мы без работы не оставим.

— Спасибо, Юрий Владимирович, за доверие. Я подумаю и из предложенных мне вариантов сделаю свой выбор.

— Вот и хорошо. Договорились.

Возникла пауза, говорившая о том, что все темы разговоров исчерпаны.

Грибин встал из-за стола и поправил мундир. Вслед за ним встал и Андропов.

Сцену прощания прервал телефонный звонок. Председатель жестом руки попросил Грибина пока задержаться. Вызов шел от дежурного по Комитету по самой срочной линии.

— Должно быть что-то серьезное, — поднимая трубку, озабоченно сказал Председатель.

Выслушав дежурного, Андропов коротко ответил:

— Хорошо, я вас жду.

Повесив трубку, Председатель задумчиво посмотрел на Грибина. Тот так и стоял перед ним в своем парадном мундире.

— Так я могу идти, Юрий Владимирович?

— Да нет, Анатолий Петрович. Теперь уж останься, — загадочно произнес Андропов.

— Что-то случилось? — спросил Грибин.

— Сейчас дежурный все расскажет, — ответил Андропов. Я думаю, тебе будет интересно послушать.

В комнату вошел дежурный по КГБ, мужчина лет сорока, в штатском, с папкой в руке.

— Разрешите, Юрий Владимирович.

Дежурный открыл папку и стал зачитывать текст телеграммы, полученной двадцать минут назад из Вашингтона.

Грибин приготовился к самому худшему. Он опасался, что гибель Качериса вызовет волну ответных действий американцев по отношению к сотрудникам советского посольства. В таком случае это будет долгая война, невольным поджигателем которой выступил он сам.

Однако то, что он услышал из уст дежурного, повергло его в куда больший шок, нежели возможные происки американцев.

— Телеграмма 26043. Получена в 10.07 утра по московскому времени. Текст телеграммы.

Вчера, 9 июля в районе 19.00 дежурным по советскому посольству был получен телефонный звонок от гражданина, который представился как майор КГБ Шадрин Виктор Иванович. Звонивший сообщил, что 19 мая 1980 года он вместе с женой и ребенком в состоянии наркотического опьянения были похищены сотрудниками ЦРУ и вывезены на территорию США. Человек, назвавший себя Шадриним, рассказал также, что после месяца пребывания в США, когда его охрана была ослаблена, при первой же возможности он совершил побег. Он просил у сотрудников резидентуры КГБ содействия в безопасной перевозке его семьи на территорию посольства СССР, поскольку опасался, что на входе в советскую миссию он будет схвачен сотрудниками ФБР.

Во избежание провокации мной было принято решение о проведении срочных проверочных мероприятий с привлечением нелегальной агентуры. Проверка показала, что с высокой степенью вероятности, звонившим был действительно Шадрин. После успешно проведенных оперативных мероприятий семья Шадрина была в тайне от американской стороны успешно перемещена на территорию советского посольства. Сейчас с Шадриним работают оперативные сотрудники резидентуры. Отчет о подробном опросе Шадрина будет отправляться в Центр последующими телеграммами. По мере получения дальнейшей информации мы будем информировать Центр. Исполняющий обязанности резидента Денисов.

Дежурный по КГБ захлопнул папку и по заведенному порядку, откланявшись, вышел.

Андропов вновь посмотрел на Грибина. Тот все еще переваривал услышанное.

— Нашелся все-таки. А мы с ног сбились, — как-то по-простому, по-деревенски сказал

Андропов.

Грибину на мгновение показалось, что вот сейчас вся его судьба сделает обратный счастливый оборот, что Андропов вот-вот скажет: «Это, конечно, меняет все дело».

Однако, он этого не сказал. Судьба теперь уже бывшего начальника Первого отдела Второго Главного Управления была решена пятнадцать минут назад и вынесенный вердикт пересмотру не подлежал. Все, что произойдет дальше с делом Шадрина, Грибина уже не касалось, и Андропов задержал его в кабинете лишь в знак уважения к его прошлым усилиям в поисках пропавшего сотрудника Комитета.

Вот, пожалуй, и все.

— Я могу идти, Юрий Владимирович?

— Всего хорошего, Анатолий Петрович. И успехов вам на новом поприще!

— Спасибо, спасибо, Юрий Владимирович!

* * *

Первой пресс-конференции Шадрина, состоявшейся в посольстве СССР в США программа «Время» уделила целых 15 минут эфира.

Шадрин предстал в ней молодым, загоревшим мужчиной в хорошей физической форме. Хотя, судя по его рассказу, последние 40 дней он провел в заточении.

В этот вечер Грибин и Жечков смотрели резонансный выпуск программы «Время» вдвоем друг от друга, и каждый воспринимал увиденное и услышанное по-своему.

К его глубокому сожалению, связанный подпиской о неразглашении, Жечков не мог поделиться с женой возмущением по поводу той чуши, которую нес Шадрин на пресс-конференции. Глядя на этот телеспектакль, он лишь громко усмехался и мотал головой. Начать хотя бы с того, что Шадрин на голубом глазу утверждал, будто был похищен с женой с болгарского курорта Золотые Пески, где он, якобы, отдыхал вместе с семьей. Но Жечков-то знал, что ни в какой Болгарии тот 19 мая не был. В меру своего понимания ситуации Жечков сделал вывод, что, скорее всего, беглый офицер КГБ по какой-то причине решил вернуться в СССР, а власти из этого сделали громкое идеологическое шоу.

«Чекистские штучки», — махнув рукой, вывел для себя Жечков.

Грибин же как человек более изопрённый в своих выводах оказался более пронцательным. Во всем увиденном он усмотрел другой контекст. По его мнению, с высокой степенью вероятности, побег Шадрина мог быть инспирирован самим КГБ с целью полного дезориентирования противника относительно принятых в советской разведке систем шифрования. А пропагандистское шоу с «возвращением блудного сына» являлось лишь довеском, вишенкой на торте. Однако, приняв эту версию как наиболее вероятную, он должен был смириться с тем, что его, Грибина, не поставили в известность об этой операции. Как ни прокручивал он в уме эту ситуацию, а получалось, что ему не доверяли. Хорошо, — думал он — допустим, того требовала конспирация. Но я же не последний человек в КГБ. Какого хрена я 40 дней с высунутым языком бегал, прикрывая жопу Комитету? Погубил этого архивариуса...

Грибин снова и снова взвешивал разные версии и решил, что, все-таки, это была

глубокая операция КГБ. Только в этом случае Шадрин мог так запросто вернуться. Уж Грибин то знал, что в случае настоящего побега, да еще при содействии ЦРУ, Шадрина, как бы тот не раскаивался, ждала бы вышка.

Больше к этой теме Грибин никогда не возвращался.

Комитет, который после 40 лет его преданной службы, не доверял ему, перестал для него существовать.

1 сентября, шагая на старости лет вместе со школьниками, ему предстояло выйти на новую для него работу в качестве заместителя директора всесоюзного объединения «Международная книга». Работа была интересная. В его ведении были валютные контракты на переводы и издания в СССР прогрессивных западных писателей. Среди руководящего коллектива объединения оказалось много его знакомцев, а двое из них когда-то даже были его подчиненными.

* * *

С 10 июля ушедший в отпуск Жечков безуспешно пытался дозвониться «Федосееву» по поводу пригласительных билетов на открытие Олимпиады. Однажды «Федосеев» сам похвалился ему, что с билетами проблем не будет, что там «все схвачено нашими ребятами». Но теперь, когда Геннадий вспомнил об этом обещании, телефон чекиста предательски молчал.

Пришлось довольствоваться тем, что выбрасывали в свободную продажу. Можно было купить билеты на турниры по тяжелой атлетике, стрельбе из лука (при этом ехать в Мытищи). На бокс, где Жечков хотел посмотреть как дерутся на ринге хвалёные кубинцы, билетов не было. Покупать билеты на предварительные заплывы по плаванию тоже как-то не светило. А на финальные заплывы билетов не было.

Жарким, душным вечером, глядя с балкона на ночное небо над Москвой, Жечков вспомнил тот холодный майский день, когда по дороге на первую встречу с «Федосеевым» он загадал по материалам этого дела написать повесть. Помнится, он даже придумал начало, — о том, как в середине мая 1980 года на Москву, вдруг, выпал снег.

Но вот это дело закончено, и что же он может написать о нем? Ничего. То, что раньше казалось ему таким легким, интересным и увлекательным, куда-то, вдруг, исчезло, а вместо этого возникло нагромождение непонятных и неинтересных с точки зрения литературы событий.

Геннадий понял, что сам по себе событийный ряд не может быть основой книги.

Вот, к примеру, у Вайнеров, — рассуждал он, — в «Эре милосердия» из фабулы, все-таки, какая-то идея рождается. Там и конфликт глубокий между следователями, из которого тоже идея вырастает.

Потом Геннадий вспомнил Юлиана Семенова. У того, хотя и не просматривается идеи, был другой талант, — увлечь читателя повествованием, пусть даже беллетристической. Ведь умел, зараза, значит, писать, раз смог заинтересовать миллионы читателей.

— А ты что? — строго спросил с себя Жечков.

— А я и не писатель, — честно ответил он сам себе.

Какой из меня писатель, если я вообще не понимаю смысла в событиях и явлениях, проходящих прямо перед моими глазами? Из всего дела Шадрина я не смог бы придумать

даже элементарный сюжет, не говоря уже о какой-то идее или конфликте. О чём дальше можно говорить?

Однако, перед тем, как отойти ко сну Жечков все же утешился тем, что ему всего тридцать пять и, возможно, когда-то, в будущем он научится писать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net